

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

СБИВАЕТ
ДИРИЖАБЫ
ВОРОВАННЫМИ
ЛОПАТАМИ

МАГИ & МОТОРЫ

ДЕМОНЫ ДЮГА

Annotation

Гигран разделен непреодолимой стеной Срединного хребта. Юг оправился после страшной катастрофы, а Север о ней давно забыл. На Юге процветает мир волшебства и древних тайн, там все еще сражаются с темными магами. Север дошел до эпохи индустриализации, по железным дорогам колесят паровозы, небеса бороздят дирижабли, магия неизвестна, религиозность высмеивается. Большинство населения, что на Севере, что на Юге, уверено – за горами жизни нет. В истинное положение дел посвящены немногие, и для того чтобы все оставалось по-прежнему, они не жалеют ни сил, ни жизней. Причем – не только своих. Леону пришлось познакомиться с устройством Гиграна на собственной шкуре, хотя он никого об этом не просил...

Артем Каменистый

Демоны Юга

© Каменистый А., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Я молод и до последнего времени был полон сил, но за свою недолгую жизнь приключений успел пережить столько, что редкий дряхлый старец может сравниться. И мир тоже успел повидать. Даже два мира. Хоть мне и доводилось... Как бы это выразиться без откровенно криминального оттенка... Доводилось работать с антиквариатом, но отнести себя к великим любителям старины не могу. Однако, бывая в далеких экзотических странах, охотно присоединялся к стандартным экскурсиям, которые просто обязан посетить среднестатистический турист. В таких поездках проще простого заводить знакомства с новыми девушками, и к тому же встречаются любопытные экземпляры, которых очень сложно встретить в местах вроде ночных клубов, а я люблю разнообразие во всем.

И вот однажды, терпеливо подбирая ключик к одной весьма и весьма недурственной бронежке, я параллельно изучал очередной шедевр древней архитектуры – каменную стену. Блоки в ней были каких угодно форм, но реже всего встречались привычные прямоугольники. Эдакая мозаика из причудливо обработанных глыб. При этом не наблюдалось серьезных зазоров, камни буквально цеплялись друг за дружку, пазы входили в вырезы так четко, что некоторые всерьез верили гиду. А тот между тем порол явную чушь. Заявлял, что здешние доисторические папуасы, или как их там, силой тайных заклинаний заставляли гранитные валуны превращаться в пластилин, после чего с ними легко мог работать даже ребенок. Особенно меня порадовало одно из озвученных им доказательств: хоть район сейсмически активный, но это сооружение без повреждений пережило долгие века. Меня оно, мягко говоря, не убедило. Какая-то альтернативная логика.

Впоследствии мне довелось увидеть еще несколько похожих сооружений. Гиды при этом попались чуть умнее. Один пояснил, что хоть такие стены и правда могут выигрывать в устойчивости, но обычные куда технологичнее. А это лишь пережиток древних методик, когда строители использовали совершенно необработанный камень, небрежно подбирая булыжники друг к дружке. Потом кто-то додумался сбивать мешающие выступы, далее тенденция получила развитие. Первые опыты до нас не дошли, потому как от них остались лишь груды глыб, мимо которых можно пройти, не обратив внимания. Ну и туристам они точно неинтересны.

Запомнил я и умный термин: полигональная кладка – так называлась эта технология «каменной мозаики».

Стены, которые меня сейчас окружали, были возведены по такому же принципу. Будто изувеченные пчелиные соты. Правда, соты, по-моему, всегда строго шестиугольные, а здесь в числе углов никто себя не ограничивал. Раствора между блоками не видно, что тоже знакомо. В тех сооружениях, которые я уже видел, он если и был, то его давно вымыло водой и выдуло ветрами, разве что в глубине стен сохранился. Да и особой нужды в нем нет, такая кладка, по-моему, удерживает сама себя всеми этими сцепленными углами, выступами и пазами.

Смуцал только потолок. Мне всякое доводилось видеть, но чтобы и его возводили из подогнанных друг к дружке угловатых глыб – впервые.

Стены, пол, потолок – все это представляло единую конструкцию, где между соседними блоками не везде получится просунуть лезвие ножа. Ну разве что совсем уж тоненькое, от перочинного, да и такое в паре мест будет бессильно. Ну разве что миллиметров на пять

войдет, а дальше, считай, монолит.

При всем этом многоугольном многообразии единственный дверной проем был привычной формы. Прикрывали его куском какой-то дешевой ткани, и по ее едва заметному колыханию можно было предугадать, что сейчас кто-то зайдет. Окон в помещении не было, но при этом я мог легко рассматривать самые мелкие детали. Почему? А это уже отдельный вопрос, и коротко на него не ответишь.

Грубый лежак из кривых жердей, убогое подобие табурета из того же материала, жестяной короб с раскаленными углями, которые время от времени меняли, и сияющий шарик размером с теннисный мяч, медленно описывающий круги под потолком, – вот и вся здешняя обстановка.

Должен добавить, что шарик не был к чему-либо привязан и провода к нему также не вели. Иногда сияние его начинает слабеть, и тогда Кайра приходит не одна, а с Местисом. Вообще-то, имя у него куда длиннее, но никто не станет в повседневной жизни произносить десятки слов там, где достаточно одного. Местис надолго не задерживается. Подманивает здешнюю «лампочку», будто ручную птичку, держит ее недолго в руках, после этого исчезает до нового пополнения заряда.

Кайра и Местис – единственные люди, которых я вижу с тех пор, как летающее создание принесло меня в эти горы. Дорога по воздуху далась мне нелегко. У меня и до этого со здоровьем были проблемы, а в пути они очень серьезно усугубились. Несколько раз я отключался, а все остальное время провел в позе зародыша, пытаюсь согреться, но это слабо удавалось: очень сильный поток встречного воздуха, к тому же наверху и без этого нежарко.

Иногда я бросал взгляды вперед. Поначалу при этом видел серую громадину южного берега, позже начал различать подробности. Отвесные скалы, где ни бухт, ни приличных пляжей, ни обширных зарослей, что даже на большом расстоянии выдают себя зелеными пятнами. Самое подножие гор, которые далее вздымаются на такие высоты, что, даже сидя на спине Талашая, мне приходилось задирать голову, чтобы увидеть заснеженные пики.

Муунт знал дорогу, он уверенно направился в узкое ущелье между шпилями двух далеко не самых грандиозных вершин. Здесь мне стало настолько хреново, что отключился надолго, а когда пришел в себя, больше не было моря позади. Куда ни взглянешь, лишь снег и камень. Ни одного зеленого пятнышка, ни следа человеческого, ни птицы в небе – ничего. Мертвое царство гор.

Должен сказать отдельное спасибо Талашаю за то, что мне ни разу не пришлось ему подсказывать дорогу. Ведь я даже не увидел тот Трехголовый пик, о котором перед смертью рассказывал бедолага Дат. Все горы слились в единую каменно-ледяную картинку без мелких деталей, холод достал до того, что я перестал чувствовать ноги, а раскрывать глаза с каждым разом было все труднее и труднее. В какой-то момент муунт просто спустился не знаю куда и поспешно захлопал крыльями, поднимая облака снега. В этой пелене показались какие-то люди, с ног до головы закутанные в теплое тряпье. Меня стащили на землю и принесли туда, где было тепло. От радости начало выворачивать наизнанку, и в разгар этого неприглядного процесса я отключился окончательно.

С тех пор я каждый день вижу Кайру, иногда Местиса. И все, других посетителей к больному не допускают. Ну, или они брезгуют сюда заходить, не удивлюсь и такому.

Кайра Ло... Кайра Ло из Пешваров. Та самая знаменитая целительница, о которой рассказывал Дат. Благодаря его словам я, столкнувшись с неразрешимой проблемой, решился на отчаянную авантюру. За жизнь мою тогда никто бы и монетки не дал, смертный приговор

был озвучен, оставалось дожидаться его исполнения. Но я решил ухватиться за последнюю соломинку и, похоже, не прогадал.

Занавеска едва заметно заколыхалась. Где-то за ней чуть слышно хлопнуло, скорее всего, закрывалась невидимая с моего места дверь, впуская посетителей. Кто это может быть? Я бы все поставил на то, что Кайра. По двум причинам: она – самый частый гость, хотя правильнее ее называть хозяйкой; и мне приятно ее видеть.

Очень красивая особа. С миниатюрной фигуркой японской девушки, длиннющие платиновые волосы, вздернутый носик, ямочки на щеках и изумительно фиолетовые глазищи на кукольном личике. В сравнении с тем засильем мясистых теток, что практиковалось на северных землях, настоящее чудо, от которого невозможно отвести взгляд. Да что там, даже на моей родине такая заткнет за пояс любое полчище натуральных, или не очень, топ-моделей.

Сколько ей лет? Сперва мне показалось, что не больше пятнадцати. Затем вынужден был прибавить три-четыре. Теперь иногда готов дать все тридцать, хотя в глубине души понимаю, что это уж точно перебор. Однако точную цифру не могу назвать до сих пор.

Но ее потрясающая красота – вторичный фактор. Благодаря тому что делает Кайра, я перестал разваливаться. И даже более того – начал ощущать, что разрушенное и мертвое пусть медленно, но начинает оживать.

Я спасен – я восстанавливаюсь!

Занавеска дернулась, будто ударенная кнутом, отлетела в сторону, зависла, будто опасаясь возвращаться. Еще один фокус Кайры: она это делает даже пальцем не прикасаясь. Просто легкая преграда спешно убирается с ее пути. Пытается оказать на меня впечатление? Ха-ха, вот это уж точно лишнее, и без того впечатлен невыносимо. Скорее, просто брезгует прикасаться к не очень чистому тряпью. Насчет грязи у нее целый пункт, заметил это давно, когда еще мало что соображал.

Тем удивительнее, что возиться с тяжелобольным брезгливость не мешает. Очевидно, к людям она не относится.

Первым делом Кайра подошла к жаровне, подвела к ней ладошку, забавно скривилась, звонко произнесла:

– Скажу Местису, чтобы почаще менял.

Я покачал головой:

– Не надо. Я сам попросил, чтобы он делал это пореже.

– Тебе жарко?

– Нет. Но я чувствую, что прохлада не будет лишней.

– Тогда я не буду ничего говорить Местису. Твое тело лучше знает, что ему необходимо.

Эх, вот бы все врачи были такими замечательными и покладистыми. Тогда бы запрет на курение и алкоголь, под который подпадает абсолютное большинство больных, остался бы в прошлом.

– Я видел бабочек.

– Во сне?

– Кайра, не знаю, что там на улице, но сильно подозреваю, что бабочек здесь можно увидеть только во сне.

– Я обязана уточнять, ведь твой разум в смятении.

– А по мне, он в порядке.

– После того что ты пережил, разум никогда не станет прежним. Мы все время

меняемся, и опасная болезнь это ускоряет. Бабочки были разноцветными?

– Нет. Они были фиолетовыми. Как твои глаза.

– Леон, тебе надо меньше думать о моих глазах. Жди сон с цветными бабочками.

– Фиолетовый – это уже не черно-белый. Настоящий цветной сон. Я думаю, что мне гораздо лучше, ты же сама говорила, что это хороший признак.

– Жди бабочек желтых, зеленых, синих, всяких. Вот это и будет хорошим признаком. Ты очень и очень болен. Таких, как ты, я еще никогда не видела.

– Ну да, я человек уникальный, это нельзя не признать.

– Ничего не могу сказать по поводу уникальности, но самовлюбленности тебе не занимать.

– Невероятно трудно не любить себя, если являешься самым совершенством.

– Леон, ты такой болтун. Закрой глаза и дыши через нос. И выпрямись.

Я охотно подчинился, ведь сейчас последует одна из самых приятных процедур. Теплые ладони Кайры коснутся щек, от них начнет расходиться приятное тепло.

Это тепло непростое – от него быстро исчезает головная боль, что подолгу терзает виски вот уже который день. После такой простейшей процедуры я чувствую, будто скинул лет пять нездоровой жизни. Хочется встать и куда-нибудь помчаться вприпрыжку, вот только целительница это не одобрит, и приходится себя сдерживать.

Ну вот, виски успокоились. Блаженство.

– Леон, мне не нравится головная боль.

Я ничего не рассказывал ей про голову. Да я вообще никогда ничего не говорю о симптомах, только о снах. Остальное она сама все знает. Надеюсь, что мысли читать не может. Ну, нет, точно не может, иначе бы ее в краску вгоняло от трех четвертей того, о чем я думаю, на нее глядя.

– Мне тоже не нравится. Но не страшно, терпеть можно.

– Я не могу ничего с ней сделать.

– То есть мне теперь всю жизнь придется провести с дятлом в голове?!

– Нет. Я сказала, что я ничего не могу сделать. Но есть другие.

– Ради одной мигрени искать кого-то вместо тебя?

– Леон, не думаю, что у тебя получится найти такого целителя. И дело не в нашем искусстве, а в твоём случае. Ты стал другим, и сейчас тебе чего-то не хватает. Ты ощущаешь потерю, твоё тело на это реагирует, отсюда боль. И боль не самое страшное, что тебе угрожает.

– Извини, но я ничего не понял.

– Можешь открыть глаза.

Кайра обернулась, придвинула жалкую пародию на табурет, присела, задумчиво уставилась куда-то в стену. Или даже сквозь нее – охотно поверю, что эта невозможная девушка и не на такое способна. Затем, расстегнув грубого покроя меховую безрукавку, достала хорошо знакомый предмет. Тот, с которого, собственно, и начались мои здешние приключения. Драгоценное изделие старинной работы. В своё время я сравнил его с упитанным волчком размером с куриное яйцо. Главный материал – золотая проволока разного диаметра, переплетенная вокруг укрытого в центре камня. Он зеленоватый, ухитряется пускать яркие блески от самого слабого источника света, но сам непрозрачный, дорогим не выглядит. Если такой увидишь в россыпи морской гальки, вряд ли заинтересуешься. Но я хоть и не опознал его, но не сомневаюсь, что стоит очень и очень

дорого, иначе бы его не использовали вместе с таким недешевым материалом, как благородный металл.

– Откуда у тебя это?

– Э... Это долгая и запутанная история.

– Хорошо, спрошу иначе: ты знаешь, что это такое?

– Старинная безделушка. Украшение.

– То есть ты считаешь, что это просто ювелирное изделие?

– Да.

– Этот предмет с тобой давно?

– Где-то с месяц уже таскаю.

– Все это время он был при тебе?

– В этой штуке много золота, а это ценный металл. Все это время я провел в местах, где дорогими вещами не разбрасываются, их лучше держать поближе к себе. Что-то не так? – уточнил я, видя, как Кайра мрачнеет все больше и больше.

– Да. Не так. Это опасная вещь. Очень опасная.

– Я и правда думал, что это просто украшение. Что с ним не так?

– Это не украшение. Это непонятно что.

– То есть ты не знаешь, что это такое, но при этом заявляешь, что оно опасное.

– Не совсем так, кое-что я знаю. Внутри камень, его можно разглядеть. Там, на своем севере, вы такие можете не знать, но у нас их все еще находят. Но этот нашли не сейчас. Давно. Очень давно. Так давно, что никто даже не скажет, сколько веков он скрывается в своей золотой клетке. Что ты сейчас видишь? – Кайра протянула украшение, удерживая его самыми кончиками изящных пальчиков.

– Ну... Это похоже на два конуса, соединенных основаниями. Только конусы не ровные, а резко заостряющиеся к вершине.

– Нет, Леон, неправильно. Это никакие не конусы. Это наш мир.

– Модель мира?

– Модель старого мира, сейчас кое-что изменилось. Вот здесь, посредине, виден хребет, разделяющий земли юга и севера, а здесь, на вершинах, великие горы, где располагаются наши полюса. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: вещь очень древняя. Но ты не поймешь, северяне не знают юг. Смотри, здесь великие вершины одинаковы. Так было раньше, давно, они и правда не отличались друг от дружки. Исполинские полярные горы уходили на такую высоту, что даже самые главные вершины Срединного хребта казались карликами в сравнении с ними. Видящие говорят, что на крайнем севере и сейчас так. Но на юге совсем другое. Беда, которая чуть не убила нашу часть мира и разделила его окончательно, разрушила гору. Теперь там нет единой вершины, там лишь хаос обожженного камня, ломаные хребты и едкий пепел, что вырывается из бездонных провалов. Я там никогда не была, об этом тебе лучше поговорить с Этико, он оттуда родом. У нас все знают, что случилось с великой южной горой. Теперь ты понял, почему эта вещь такая старая?

– Ты считаешь, что она создана во времена до катастрофы, что разрушила полярную гору. Хотя это спорно, ведь ювелир мог сделать ее в память о былом.

– Вряд ли, – Кайра покачала головой. – Во времена, что были после гибели юга, не было мастеров, которые занимались таким. Дикость захватила мир, ювелирное искусство умерло. Камнями начали интересоваться уже потом, но эта вещь точно древнее, по ней видно.

– Ну хорошо, пусть так. Но ты ведь хотела рассказать не об этом.

– Без этого мой рассказ понять непросто. Золото ценится и у нас, но за камень, что заключен внутри, можно получить его столько, что понадобится несколько повозок для его перевозки.

– Серьезно?! С виду не скажешь, что он такой дорогой.

– Но это так. Он ценится не из-за вида, а из-за скрытых в нем возможностей. Такой камень может сделать сильного сильнее или даже подарить силу бессильному. Я имею в виду не ту силу, что скрыта в наших мышцах, а это, – Кайра указала в сторону светящегося шарика.

– Да уж, за такой фокус можно много отвалить.

– Не шути с такими вещами.

– Прости. Значит, этот камень может из простого человека сделать мага?

– Нет, о таком только шепчут, но никто ни разу не видел, чтобы подобное случилось. Это просто легенда. Но можно сделать мага сильнее. Не каждого и не всегда. И не любой камень это может. Там все очень сложно. Почти у каждого камня есть свой секрет, его надо узнать. И есть камни, где секрет невозможно разгадать, или вовсе пустые. Такие ничего не стоят, годятся только на слом, но сразу это определить нельзя, и потому за них тоже могут заплатить хорошо. Многие люди отправляются на крайний юг в надежде найти могущественный артефакт и стать богачами, но мало кто из них возвращается. Там очень опасно. И опасна не только природа и злобные существа, а сам камень. Он может излечить, но может и покалечить. Если не знаешь, как с ним обращаться, продай или отнеси опытному алхимику, он раскроет его душу. Камень, что ты носил с собой, держит в себе секрет, который мы не смогли разгадать. Древние тоже не смогли, иначе бы не использовали нераскрытый артефакт в амулете. Или у них были какие-то особые соображения. Такие камни – огромная редкость. Я увидела впервые, как и остальные. Настоящее чудо. И, судя по твоему состоянию, он опасен для несведущего. Ты, Леон, не знал, с чем имеешь дело, и пострадал.

– Я заболел из-за камня?

– Да.

– Значит, не повезло. Я ведь вообще ничем не болел, пока не начал его таскать.

– Неправильно. Камень тебя защищал от болезней, но не всегда. Давая защиту, он требовал что-то и для себя. Но ты не давал это.

– Не понял?

– Это непростой камень и он выбрал тебя. Хотел быть ближе к тебе. Его следовало носить на шее или хотя бы в кармане, но не в мешке с вещами. Между вами возникла слишком тесная связь, и я не знаю, как ее разорвать. Никто не знает. Это уникальный камень, с таким мы еще не сталкивались. Тебе, Леон, надо держать его при себе. Все время. Нельзя делать долгие перерывы, связь может ослабевать, и ты умрешь, как умирает человек, если обрезать веревку, на которой он висит над пропастью.

– А на вид всего лишь камень...

– Я же сказала, это непростой камень.

– Да понял я, понял.

– Вот шнурок, он прочный. Можешь повесить на шею. Пусть будет с тобой. Думаю, головная боль пройдет сразу.

– Как скажешь. Когда мне можно будет выйти наружу?

– Не считая головной боли, ты здоров. Но пока еще слаб.

– На такой кормежке силачом не стать.

– Прости, Леон, но у нас не очень хорошо с продуктами. Других нет.

– Я не знал, извини. Ну так что, мне, наконец, можно выбираться?

– Если очень хочешь, можешь идти.

– Спрашиваешь! Да я тут вечность уже провалялся.

– Всего лишь одиннадцать дней.

– Да? А мне показалось, что чуть ли не год.

– Вначале тебе было плохо, а плохое любит растягиваться в мыслях. Я могу выйти с тобой, показать все. Но твоя одежда слишком легкая, а здесь холодно. Подожди, принесу что-нибудь.

Кайра принесла нечто, чему в моем небедном лексиконе не подобралось приличного названия. Какое-то убожество, небрежно скроенное из обрывков шкур разных животных. Причем шкуры эти обработали весьма небрежно, в иные времена я бы к такому побрезговал прикасаться. Засаленная телогрейка с лагерным номером и простреленная конвоирами в восемнадцать местах на фоне этого унылого лапсердака казалась бы изделием от-кутюр. Но выбирать не приходится, ведь снаружи и правда не тропический курорт, это я хорошо запомнил еще со времен полета через горы.

С большим интересом заглянул за занавеску. Я не первый раз бросал взгляды в следующее помещение, но там было темно, как в склепе, а тупой шарик не соглашался менять свой обычный маршрут ни за какие коврижки. Но теперь в нем не было нужды: Кайра, переступив за порог, взмахнула рукой, и над ее головой зажегся такой же. И не просто начал хаотично передвигаться по строго заданной траектории, а следовал точно за целительницей.

Ничего интересного я не увидел. Все те же стены из многоугольных камней разной формы и размеров, арочный потолок и полное отсутствие какой-либо мебели. Дверной проем прикрыт корявым щитом из жердей и все тех же шкур, Кайра попросту отодвинула его в сторону, и мы шагнули в следующее помещение, такое же пустое.

— Когда мы добрались до форпоста, здесь оставались кое-какие вещи от исследователей. Слишком холодно, гниль добралась лишь до тех, что были в крыле с горячим источником. Жаль, что он иссяк, ведь чтобы не замерзнуть, мы сжигаем древние предметы. Пусть их немного испортило временем, но все равно жалко.

— Так вот откуда вы берете дрова...

— Да. Здесь же ничего не растет. Шкуры, что на тебе, тоже нашли здесь. Они старые, но не рассыпаются, носить можно.

— А воняют так, как будто не такие уж и старые.

— Не шути, запаха нет. Старые, Леон, очень старые. Здесь, под самым Срединным хребтом, было королевство, где правила старинная династия. Таким трудно в наше время, тогда тоже было нелегко. Наверное, король очень хотел расширить свои владения, вот и послал своих людей в горы. Они их исследовали несколько лет, это их самый северный форпост. И было это почти сто лет назад, во время войны с Домом Смерти. Давно.

— Да уж, для столетних эти шкуры выглядят хорошо. А чего форпост бросили?

— У короля был конфликт с Домом Тракчай. Мелкий Дом, позже он слился с Домом Реликвий, но в свое время амбиций у него хватало. Тот король как-то странно умер, неожиданно, об этом много судачили. Трон занял сын, его не интересовал север, исследователи получили отставку. А сам Дом Тракчай ненадолго его пережил, слишком слаб был, но там с этим не соглашались и вечно лезли туда, где слабым нет места. А тот сын стал последним королем. Плохой правитель, слишком много ошибок совершил. Нет теперь королевства. Такая вот история.

— Долго еще идти? Все эти помещения без окон, а я соскучился по белому свету.

— Да уж, белее не придумать, столько снега мы и вообразить не могли. Наверное, исследователи знали, что термальный источник скоро иссякнет. И хотели создать такое укрытие, которое и без горячих вод поможет сохранять тепло без больших затрат дров.

Их ведь тяжело было привозить в такую даль, много людей нашло смерть на этой дороге. Чувствуешь, как холодает? Чем ближе к выходу, тем сильнее мороз, а в глубине крепости всегда хорошо даже без жаровен. Ну, прохладно, конечно, но такое можно вытерпеть.

– Если бы вы сделали хорошие двери, было бы куда теплее.

– Здесь нет хороших материалов. Все очень старое. И хороших мастеров у нас тоже нет. На юге мы занимались чем угодно, но не созданием дверей. А вот и последние.

На улице вечерело. Как это часто бывает в горах, темнота уже опустилась в долины, но заснеженные вершины все еще освещались солнечными лучами. Несмотря на сумерки, я сумел более-менее ознакомиться с окрестностями. Брошенная крепость располагалась на длинном уступе, одном из многих, что параллельными рядами уходили вверх и вниз. Строители использовали природную выемку в рельефе, устроив в ней сооружение из десятков соединяющихся друг с дружкой каменных камер. В тех, что располагались в глубине, и правда должно быть теплее в любую непогоду, это верно: сверху наметен толстый слой снега, сквозняков нет, количество входных тамбуров зашкаливает. С другой стороны, даже мне, далекому от таких дел человеку, очевидно, что этого можно было добиться при куда меньших затратах. Доставка сюда такого количества рабочих и материалов – настоящий подвиг. Высота очень приличная, я это понял по одышке, что появилась после короткой прогулки по недрам форпоста. Обычно не страдаю ею даже после бега на приличную дистанцию, так что не стал все списывать на последствия болезни.

– Вот, Леон, теперь ты увидел, где мы живем. Доволен, или хочешь дальше прогуляться?

– Здесь только это?

– Да, Леон: снег, камни и старый форпост с почти бесполезными старыми вещами, которые сохранил холод.

– И я так понимаю, что с подвозом еды и прочего у вас сейчас проблемы?

– Нет, Леон, все хуже. Гораздо хуже. Мы умираем, Леон. И ты умрешь вместе с нами, если все будет идти, как идет.

– Гм... А если что-то пойдет не так?

– Чтобы изменить ход событий, надо что-то делать.

– Буду удивлен, если вы все как один собрались сидеть сложа руки в ожидании голодной смерти.

– Нет, Леон, мы делали. Делали что могли. Но этого оказалось мало.

Не очень-то люблю вызываться добровольцем, но и пожить не дурак, так что предложил, не задумываясь:

– Если я могу чем-то помочь, то готов.

– Можешь. Наверное, можешь. Но лучше говорить не со мной, а с Айшем. Он у нас самый старший, и он однажды нас уже спас.

– Думаю, с разговором тянуть не стоит, запасы у вас не бесконечные.

– Тебе не стоит много ходить. Вернемся назад, я приведу Айша к тебе.

* * *

Не знаю, к какой расе можно было отнести Кайру: при белой коже и прочих признаках, присущих европейцам, рост и фигура у нее таковы, что прикрой лицо – и примешь за белокожую японку. Айш же был явным азиатом: желтый, рожа плоская, только рост

неожиданно высокий, не уступает моему. А я ведь привык поглядывать на плечистых северян свысока. Этот, в отличие от них, худощавый, но худоба его не болезненная, а кажется вполне естественной. И слабаком он не выглядит.

Если я гадал, сколько же лет Кайре, то на Айше сломался сразу. Такому может быть тридцать, а может, и все пятьдесят. Такая уж внешность.

Айш, зайдя, с ходу присел на единственный табурет, а Кайра осталась стоять, что меня слегка покорило. У нас так не принято, ну, да в чужой монастырь... Можно, конечно, пригласить устроиться на моей лежанке, но опасаясь, что это могут неправильно понять, так что лучше не подставляться. Хотя не удивлюсь, если здесь в этом не усмотрят ничего предосудительного.

– Приветствую, Леон. Меня зовут Айшан Сакри, я родом из Таучи. Но ты обращайся ко мне так, как обращаются друзья – просто Айш.

– Спасибо, что принял меня в их число.

– Нет, Леон, принимал не я, а Талашай.

– Зверь?

– Не зверь – муунт. Представитель редчайшей разновидности муунтов: умный, быстрый, лучше всех защищенный, летающий. Великий небесный убийца.

– И каким же образом он зачислил меня в число друзей?

– Тем, что не убил тебя и доставил сюда.

– Я знал секретное слово.

– Да, Талашай может принять лишь того, кто его скажет. И лишь в том случае, что это позволил хозяин. И есть еще одно условие: в случае смерти хозяина тот, кто произносит слово, не должен иметь к ней отношения. Муунта нельзя обмануть. Даатлькраас Таальчи Сиссарис из Дома Ташшани доверял тебе настолько, что научил тайному слову. Такое можно доверить не всем. Затем он умер, но ты не был виноват в этом. Даатлькраас доверял тебе всецело, другому бы он Талашая не доверил. Мы чтим память о Даатлькраасе, его друг – наш друг. Скажи, как он погиб?

– Там, куда он попал, принято убивать пришельцев с юга. Я об этом не знал, иначе попытался бы этому помешать.

Чистая правда. Даатлькрааса трудно причислить к моим друзьям, но чего я точно не хотел, так это его смерти. Поступок генерала тогда застал меня врасплох, я никак не мог его предотвратить или хотя бы попробовать это сделать. До сих пор считаю, что Грул поступил тогда неразумно, у него не было причины. Скорее всего, сработала вбитая армейскими сапогами установка, требующая убивать таких, как Дат, при малейшей угрозе распространения информации об истинном положении вещей на дальнем юге. Плюс сказалось раздражение, вызванное заточением и непростыми обстоятельствами освобождения.

– Откуда здесь вообще знают, что Дат умер? Я ведь ничего не рассказывал.

– Среди нас есть те, которые могут это чувствовать. Не так сложно мыслями следить за дорогим тебе человеком, или хотя бы близким. Сложнее за чужим, но тоже можно. Даатлькраас был нам дорог.

– Понятно. Вы здесь знаете, кто я? Обстоятельства того, как познакомился с Датом?

– Нет. Мы можем следить за нитью его жизни, но не за поступками и окружением. Слишком далеко он оказался, и слишком трудно делать многие вещи в этих горах. Мы слабы, мы почти беспомощны здесь. Срединный хребет не любит магов, его холод замораживает

не только тела, но и души.

– Тогда не буду отвлекаться на ненужные рассказы. У вас тут, как я понимаю, дела идут не очень хорошо. Кайра сказала, что вы вообще умираете.

– Мы ограничиваем себя в еде, ее здесь тяжело добывать.

– Да? Я понятия не имел, что ее можно добывать здесь хоть как-то.

– У нас есть способы, но они не очень эффективны. Мы неизбежно умрем от холода и голода, если останемся.

– Так в чем дело? На юге все так плохо, что вы не можете вернуться?

– Для нас, Леон, плохо. Даатлькраас разве ничего не рассказывал?

– Смотря что. Мы не успели как следует пообщаться.

– Мы последние из отрекшихся стражей. Там, на юге, на нас сейчас охотятся, будто на лютых зверей. У нас есть способы защиты, но трудно выстоять против целого мира. Мы шли сюда в надежде, что найдем укрытие на севере. Потом, возможно, переберемся через хребет в другом месте, и там найдутся земли, где к нам относятся не так враждебно. Путь оказался куда труднее, чем мы рассчитывали. Форпост нас спас, дальше дороги нет вообще. Счастье, что стражи издавна собирали разную информацию о мире и потому знали об этом убежище. Даатлькрааса направили дальше, муунт был лишь у него. Он должен был откормить ослабевшего Талашая, но что-то пошло не так. Даатлькрааса больше нет, но вместо него вернулся кое-кто другой. Теперь ты знаешь все.

– Ну, допустим, не все.

– Ты знаешь краткую историю событий, которые завели нас в эту западню. И Кайра сказала, что ты хочешь помочь нам из нее вырваться. Я в ответе за всех этих людей и готов тебя выслушать.

– Тут так сразу ничего и не скажешь... Вам нельзя здесь оставаться.

– Это очевидно и без тебя.

– Если на юг для вас дороги нет, остается одно – это север. Судя по размеру Талашая, он может зараз увезти двоих, а то и троих, если они будут такие, как Кайра. До побережья лететь недалеко, там, правда, ничего хорошего нет, но зато тепло. Плюс ни один корабль не приблизится к скалам, то есть вас можно собирать там без опаски, что кто-то заметит. Там же можно сделать временную базу. Уж точно не замерзнете, и море накормит. О дальнейшем говорить не могу, я слишком мало о вас знаю. В том числе не представляю, чего вы хотите.

– Нам сейчас остается лишь одно: жить с теми, кто живет на севере. Но раз там таких, как мы, по твоим словам, убивают, не знаю, как и поступать. У нас и до тебя была такая информация, но не хотелось в это верить. К тому же это делают вроде бы не везде, данные противоречивы.

– Там, за горами, огромный материк. Вокруг него хватает и другой земли. И уж, поверьте, с такими, как вы, скорее всего, везде поступают одинаково. Существование людей на юге правители держат в секрете. Простой народ считает, что там ад. Предполагается, что рано или поздно вы пойдете войной на северян, так что верхушка к этому готовится. Пришельцев вроде Дата по возможности хватают и допрашивают, выведывая все, что они знают и не знают. После такого допроса смерть – великое благо. Если есть риск, что информация разойдется, убивают быстро и безо всякого допроса.

– В своих землях ты был великим человеком.

– Почему ты так решил?

— Ты легко говоришь о людях за Срединным хребтом, хотя для простого народа, по твоим словам, это тайна.

— Я, вообще, не совсем с севера.

— Ты тоже с юга?!

— Все гораздо хуже: я ни с севера, ни с юга.

Айш покосился на Кайру, но та лишь пожала плечами, при этом забавно сморщив носик. Опасаясь, что меня начинают принимать за не вполне психически нормального человека, я начал разъяснять:

— Там, на севере, некоторые всерьез полагали, что я демон. И не просто демон, а демон с юга.

— Ты имеешь в виду наш юг?

— Да, они ведь считают, что там ад, а где же обитать демонам, как не в аду? Я даже побывал кое у кого в услужении, а все благодаря вашему Дату. Когда он попался северянам, его заперли в отдельную камеру, где держали без разговоров. Ждали особую команду, которая занимается допросами таких, как вы. Расстояния там неблизкие, время военное, на дорогах сложности, так что ждать ему пришлось долго. Видимо, это сильно на него повлияло, и он занялся вызыванием демонов. По его словам, вспомнил обрывки знаний о каких-то древних ритуалах, добавил что-то свое к ним. В общем, экспериментировал. Закончилось все тем, что я оказался в его камере.

— А где ты был до того, как оказался в тюремной камере?

— В воздухе.

— А подробнее?

— В тот момент я был занят тем, что падал с крыши очень высокого здания.

— И где же стояло это здание?

— Хороший вопрос. Его построили на самом большом материке планеты, где нет высочайших вершин на полюсах, хребта, разделяющего мир по экватору, тоже нет, в небе всего одна луна, и ведет она себя прилично, не создавая изуверские приливные течения, которых боятся даже самые лучшие корабли. Позвольте представиться: меня зовут Леон, и я демон из другого мира.

Айш вновь покосился на Кайру, и та ответила на молчаливый вопрос:

— Леон человек, а не демон. У него нет никаких принципиальных отличий от нас. Он любит шутить, но не похож на обманщика.

— Понятно. Ну что же, Леон, нам и без тебя известно о множественности миров. Не знаю, каким образом ты преодолел границы пространств, но ничего невозможного в этом нет. Такое в истории нашего мира уже случалось.

— Назад отправить меня можете?

— Нам такой способ неизвестен.

— Да я пока особо не рвусь, так... на всякий случай спросил.

— Ты долго прожил на севере?

— Около месяца.

— Плохо. Значит, ты знаешь о нем немного.

— Но и не так мало. Так как тебе мой план насчет побережья?

— Талашай слаб, вряд ли он доберется туда даже с одним седоком. Его надо откормить и давать рниш.

— Я привез.

– Да, но надолго этого не хватит. К тому же на таком холоде откармливать придется в активном состоянии, а муунт при этом требует очень много еды. Нам не добыть столько, запасы тоже малы. Мы быстрее умрем, чем восстановим ему силы. Этим должен был заняться Даатлькраас, там, за горами, но, видимо, не успел.

– Он попал на пустынный остров, где не было рниша. Муунт там впал в спячку, Дату пришлось вплавь добираться до материка. Там он искал рниш и попался северянам. Слишком странный. Видимо, о нем пошли слухи и добрались до того, кто знал, как с такими следует поступать.

– Жаль. Даатлькраас и на юге слыл чудачком, но он не заслуживал ранней смерти. Такие прекрасные люди должны жить вечно...

– Без муунта дальше можно пройти?

– Нет. Везде обрывы и скальные стены. Это тупик.

– Я ловкий парень, думаю, при кое-каком снаряжении смог бы пройти безо всяких троп. Но вряд ли таким путем дойдут все, тем более на скудной кормежке.

– Ты не пройдешь, поверь мне, это невозможно.

– Не буду спорить, потому что нет смысла: вернуться с запасами пищи не смогу, в таких условиях на себе много не унесу. Надо думать, как выпутываться из такой ситуации. Хотя... Кайра весит поменьше меня, можно попробовать отправить ее по воздуху. Или кого-нибудь такого же легкого.

– В сравнении с весом Талашая всадник – ничто. Это не поможет. К тому же смена хозяина для муунта – болезненный процесс. Тем более если происходит раз за разом в течение короткого времени. Он может не признать нового или того хуже – нападет. Нам не нужен такой риск.

– Хорошо, давайте думать, как привести Талашая в порядок с имеющимися ресурсами. Что у вас есть?

– Нас двадцать шесть человек, считая тебя – двадцать семь. Из них большинство – маги разных специализаций. Но такого, кто мог бы создавать яства из одного лишь воздуха, среди нас нет. Если мы будем расходовать продовольствие с такой же скоростью, через две недели его не останется. После этого при таком холоде мы долго не протянем. Дров, чтобы с ним бороться, тоже нет. Найти их в окрестностях крепости вряд ли получится, мы не видели следов растительности. Дважды находили птиц, при перелетах через горы некоторые теряют силы и падают, но это случается нечасто. Сейчас не сезон перелетов, так что охотиться не получится.

– Кроме птиц что-нибудь бывает?

– Другой пищи не находили. Это все, что есть.

– Сколько надо Талашаю?

– Он истребит все наши запасы за неделю, но, скорее, даже гораздо раньше, слишком отощал. Я думаю, что ему хватит их на четыре дня.

– Да он тот еще проглот...

– И этого будет недостаточно, чтобы вернуть ему силы.

– Можно начать рациональнее использовать имеющиеся ресурсы.

– Каким же образом?

– К примеру, я лежал один в небольшом помещении, и его обогревали жаровней, расходуя немало угля. Здесь без труда можно разместить с десяток таких, как я, а то и больше. То есть достаточно занять пару соседствующих помещений. Дорогу к ним надо

прикрыть, используя материалы со ставших ненужными проходов. Освободившиеся жерди пойдут на дрова.

– Будет тесно.

– Верно. Но это даже плюс, ведь мы сами по себе являемся источниками тепла, будем обогревать друг друга.

– Это не накормит Талашая.

– Можно ограничить пайки.

– Они и без того ограничены. Тебя кормили лучше всех, потому что ты болен, другим достается гораздо меньше. Если сделать порции еще меньше, это будет почти ничто.

– Плохо, но пусть лучше будет так. В теплых помещениях расход сил уменьшится, можно потерпеть пару недель на крошках. А Талашаю скормим половину запасов. Да, этого может не хватить, но шансы долететь до побережья повысятся. А уже там придется кормить его несколько дней. Что он вообще ест?

– Муунты, вообще-то, всеядны, но больше всего любят мясную пищу. В природе они опасные хищники, их жертвой нередко становится человек. Также известно их пристрастие к меду, они нередко нападают на пасеки.

– Насчет мяса и меда ничего не обещаю, но моллюски и рыбу на побережье добывать можно.

– Ты сможешь добыть достаточное количество?

– Не уверен.

– Плохо, но у нас нет другого выхода.

– Можно скажу кое-что?.. – как-то совсем робко предложила Кайра.

– Конечно, говори, девочка.

– Муунты всеядны и преданы лишь хозяину. Некоторые из нас могли бы... Могли бы пожертвовать собой ради других. Этого может хватить для спасения. Пусть хоть кто-то сумеет уйти.

Айш покачал головой:

– Я был бы первым, кто отдал бы свое тело Талашаю, но остальные не смогут с этим жить, ты же должна понимать.

– Я видела муунта до того, как он свернулся в сон. Талашай слишком слаб, половины наших запасов ему не хватит.

– Я тоже его видел и тоже это понимаю. Но ты видишь другой путь? Я – нет. Муунт – наша последняя надежда. Если он не довезет Леона до побережья, мы все умрем. Но если не отдадим ему нашу еду, тоже умрем. Предложение кормить его друзьями ни ты, ни я, ни кто-то другой не станет даже рассматривать. Значит, Леон попытается добраться до побережья.

– Он не долетит...

– Но шансы у него есть.

– Почти нет...

– Кайра, я знаю, как ты печешься о тех, кого лечишь, но прошу тебя сейчас никому другому не говори, как малы шансы Леона. Мы и так его не знаем, а он между тем наша последняя надежда. Не надо лишний раз смущать остальных.

– Хорошо, Айш, прости.

– Тебе не за что просить прощения. Леон, Кайра сказала, что ты почти в порядке, значит, болезнь больше не мешает тебе присоединиться к нашему обществу. Так что приглашаю тебя

на вечернюю трапезу, теперь ты наравне со всеми.

Ну да, понимаю, паек мой теперь ничем не отличается от других, а он и без того не был роскошным. Однако, несмотря на это, я рад, заточение в каменной келье осточертело.

Не знаю, как там насчет голода и холода, но смерть от скуки в таком месте почти неизбежна при любом снабжении. Прогулки на морозе при незатухающем ветре – то еще удовольствие, и популярностью не пользовались. Я вот от них отказался, даже толком не начав. Оставался форпост – многокамерная каменная клетка, где даже черно-белый телевизор не посмотреть. Единственное приятное зрелище – личико Кайры, но она нечасто появляется на глаза. Часами пропадает в комнате, занятой женщинами, большинство из которых ей безнадежно уступают. Стражи последовали моему совету и ютятся теперь в двух помещениях, разделившись по половому признаку, так что я обзавелся одиннадцатью сожителями. Часть из них из-за убогой кормежки страдает проблемами с кишечником, так что атмосфера не очень уютная, но в плюс идет то, что теплее. Можно днями лежать на спине, глядя в шарик у потолка, и вместо музыки слушать бурчание их утроб.

Всю жизнь о таком времяпровождении мечтал...

Заниматься здесь более нечем. Хотя, должен отдать должное, стражи не создавали впечатление впавших в уныние бездельников. Каждый из них если и не пристроился основательно к чему-либо полезному, то все равно не обходился без каких-либо телодвижений. Вот взять Дамуса Карра из Шеамов, или просто Дамуса. О нем мне в свое время рассказывал Дат, нахваливая его как величайшего во вселенной металлурга и кузнеца. Здесь таким талантам применения не нашлось, и я стал лучом яркого света в царстве мрака, что его окружал. Тот, как и прочие, видел мои вещи в день прибытия, и некоторые его весьма заинтересовали. Право на частную собственность здесь святое понятие, потому он даже потрогать вряд ли решился, зато теперь голодной акулой наворачивал вокруг меня круги, рассыпая однозначные намеки на то, что хотел бы это сделать. Ну а я, добрый человек, разумеется, разрешил.

И нисколько не прогадал. Дамус ведь помимо прочего был и магом, а его таланты в обращении с металлами были немалыми именно благодаря этому. Да, он бы не отказался от на совесть оборудованной кузницы, но при необходимости мог сделать много чего и без нее. Так что теперь мой старый нож, до этого ничем особым не блиставший, может выбивать крошку из камней и при этом не спешит затупляться. С огнестрельным оружием все чуть похуже. Сперва мне пришлось долго объяснять Дамусу, что же это такое, затем он так же долго рассказывал, как именно напортачили разработчики. Даже в револьвере-пулемете, прихваченном с Земли, он нашел множество изъянов, а ведь он куда лучше изделий местных оружейников. Дескать, слишком тяжел, можно было обойтись чуть ли не вдвое меньшим количеством металла, если обработать его особым образом. Не уверен, что столь серьезные изменения конструкции благотворно отразятся на работе автоматики, отдаче, кучности и прочем, так что переделывать единственный экземпляр не решился. Да и нет пока такой возможности, для подобных работ нужна не только магия, но и кое-какие инструменты.

– Бежать пришлось с тем, что есть, – вздохнул Дамус. – Нас ведь хитростью взяли. Созвали на общий сбор, ну, мы и пошли. Знать не знали, что созывали те, кого уже захватили. Если сильно захотеть, можно даже самого сильного человека превратить в куклу, которая без раздумий заведет лучших друзей в ловушку. А мне и другим повезло тогда. Предупредили нас. Простые люди предупредили, что впереди засада. И таких, как мы, уже кое-кого

схватили. Мы собрали кого успели и перед тем, как уйти, пощипали там кое-кого как следует. Хоть немного, но отомстили. Вайджу знаешь? Тебе же всех представляли.

– Мелкий, чернявый, с глазами перепуганными?

– Ага, он самый. Вайджа не маг, но он всегда был верным помощником Дайджа, а вот тот маг, каких мало. Церковники с какого-то перепугу объявили его одним из двенадцати первых адептов Черного конклава, так что для них он враг тот еще. Смешно, но зачем-то хотели взять его живым. Не смогли, конечно, но и сам он не вырвался. Уж не знаю, сколько там сгинуло братии круга, но черный дым над тем местом был виден за день конного пути. Вот Вайджа – да, его схватили, да только ненадолго. Он пусть и не маг, но парень ловкий, а церковники были потрепанными. Ушел. Но с тех пор глаза у него всегда такие, и почти не говорит.

– Чем больше я с вами, тем больше путаницы в голове. До этого момента был уверен, что вы не поделили тапки с какими-то Домами, названия которых принято произносить с душевным трепетом. А теперь ты говоришь, что на вас охотились церковники. И это при том, что про церковь вообще впервые слышу. Точнее, нет, не впервые, на севере религия тоже есть, но она там, скажем так, не пользуется широким спросом. К верующим отношение чуть лучше, чем к идиотам.

– Что за церковь на севере? – напрягся Дамус.

– Я не знаю подробностей. Верующих называют блезами, иногда братьями, многих ссылают в дальние колонии за проповедничество и прочие связанные с религией дела.

– Блезы? Мне это ни о чем не говорит. А какой у них знак веры?

– Перед лицом круги описывают. Над молельными домами ставят кольца. Но это запрещено, такое они делают лишь на своей территории, а она у них небольшая.

– Круг? Кольцо? Это знак Единой церкви. Неужели она и до севера дотянулась?

– Вряд ли. Скорее всего, какие-то отголоски ваших дел. Может, когда-то, очень давно, кто-то из церковников попал на север, от него все и пошло.

– Хорошо, если так, иначе нам, получается, и на север дорога закрыта. Единая церковь – очень опасный враг.

– Так кто вас сюда загнал? Церковь или эти непонятные Дома?

– А что непонятного в Домах?

– Для меня все непонятно.

– Чтобы понять все, даже жизни не хватит. Говорят, там, на севере, магов нет вообще. Никогда не мог в это поверить. Правда, что ли?

– Магия там только в детских сказках, причем самых глупых.

– Чудно... Как же там вообще люди живут?

– Да нормально живут.

– А у нас без магов ни туда, ни сюда. И сам по себе маг жить не может, восьмой церковный собор постановил, что одиночка слаб перед искушающими темными силами, да и без церковников таким волю особо не давали. Церковь – это серьезно, она с границами не считается, везде может дотянуться. Издавна маги собраны в Дома. Каждый Дом или владеет какой-то территорией, или ее контролирует. Члены Дома могут находиться на чужой территории, запретных границ для них обычно нет, разделение там не из-за запретов перемещения. Магом не становятся, им надо родиться. Одаренный ребенок становится собственностью того Дома, на чьей земле появился. Это главный закон, даже шаг в сторону от него делать нельзя. Уж сколько войн из-за этого раньше случалось, страшно

вспоминать. Да и сейчас не все ладно, пусть и потише.

– Но вы вроде бы не принадлежите к Домам.

– Кроме как в Домах маги есть еще в нескольких местах. В основном это церкви и разные пережитки прошлого. Мы – один из таких пережитков: бывшие стражи, ныне отверженные. В церковь нельзя попасть ребенком, на какой бы земле ни родился, но уже зрелый маг может принять решение к ней присоединиться.

– То есть церковь что-то вроде Дома?

– Можно сказать и так. Вот только главные Дома не очень ее привечают, сильному магу в церковники дорога закрыта, найдут способ не пустить. Никому не нужно чрезмерное усиление церкви. Но, как ни крути, год от года сила ее все же растет. Еще несколько веков назад стражи могли на нее сверху вниз поплевывать, а сегодня мы прячемся от черной братии в замерших горах. Не так много времени прошло, а все поменялось.

– А как маги попадают в стражи?

– В темные времена мы были последней защитой простых людей от порождений тьмы. Ведь один-единственный василиск мог легко уничтожить деревню или даже городок, остановить его могли лишь такие, как мы. Из тех объединений магов, что держались за свои владения, возникли Дома, ну, а мы всегда думали не только о своем околотке, а и о том, что происходит вокруг. С тех пор нас многие поддерживали и поддерживают. Вроде того же Вайджи. Вся его семья, да что там семья – вся деревня была под нами. Многие простые люди по всему миру носили особый знак – дважды перечеркнутый круг. Они те, на кого мы опирались. Если в их среде появлялся ребенок с магическими способностями, он присоединялся к нам. Ни один Дом не мог наложить на него руку, мы всегда думали обо всем мире, не оглядываясь на то, где чьи земли. Мы были выше этой мелочности.

– Как я понимаю, маги – ценный ресурс. А вы, получается, нагло окучивали участки, которые они считали своими. Не удивлен, что вы теперь замерзаете в снегах, но до сих пор не понимаю, при чем здесь церковь.

– Мы и раньше враждовали с некоторыми Домами. Ты прав, не нравилось им то, что мы не считались с их границами. Но с церковниками все куда хуже. Они ведь повсюду, от них не спрячешься, нет ни одного городка, где бы обошлось без шпилей с кольцами. Только они да мы теперь держимся за всю землю, а не свои кусочки. Набрав силу, церковь вошла в наши дела. Мы не имели ничего против того, что кто-то, как и мы, повсюду сражается с тьмой. Это хорошо. Но когда началась та война с некромантами, в первых рядах пошли именно мы, и нам же тогда больше всех досталось. А кто в итоге получил все лавры? В том числе и церковь. Она всерьез вошла только под конец, когда оставалось лишь добить уже почти поверженных. А еще устроила чистку приверженцев, при этом пострадало много ни в чем не виновных. Да и сейчас страдают, некромагию до конца так и не задушили, инквизиторы без работы не остались. Стражи тогда здорово ослабли, а церковь – наоборот. С тех пор так и повелось: мы тощем, а клирики толстеют. Да еще и науськивают против нас простой народ. Все меньше и меньше тех, кто нас поддерживает. Приходится брать новичков в местах, куда Дома нам вход запретили. Это не дает совсем уж быстро загнуться, но прибавляет проблем. Вот и получается, что мы слабы, нас не любит ни церковь, ни Дома. У нас нет власти и нет былой поддержки от народа, ведь того засилья разной нечисти, что было когда-то, давно уже нет, а значит, нет великой нужды в защитниках. Да и есть кому защитить и без нас. Те же клирики неплохо справляются, не люблю их, но не признать не могу. Кончилось все тем, что на последнем соборе нас и вовсе объявили осквернившими себя,

самозванцами, опорочившими память былых, настоящих стражей. Мол, переродились в полное непотребство. Немудрено, ведь осталось нас всего ничего, и мало где нам были рады. Началась охота, загоняли, будто зверей. И церковники, и Дома... Да все, кому не лень, в ней поучаствовали. И вот теперь сидим тут, загнанные без вины, мерзнем ни за что. Я вот вообще во все эти дела не лез, мое дело – работать с металлом. Но уже семь родов моей семьи чтут светлую стражу. Мы и живем-то только благодаря ей. Отец рыдал от счастья, когда узнал, что у его сына нашли искру таланта. И не было вопроса, кому меня отдавать: какому-то вшивому Дому или...

– Судя по тому, что видел и слышал, вам повезло. Маги – серьезная сила, чудо, что вы сумели вырваться.

– Мы еще никуда не вырвались. Я вот думаю, так и сгинем здесь все. Хорошо, если еще кто уцелел вроде нас, надеюсь, им повезет больше. А что до чуда, так нет никакого чуда. У стражей свои секреты, и пусть Дома захлеб хвалятся, что сильнее их в мире нет, мы кое-что выставить против можем.

– Не надо нас хоронить раньше времени, как-нибудь выкарабкаемся.

– Я, Леон, не только душу металла понимаю, я еще кое-что могу. Вот, посмотри, – Дамус снял с пояса топор с белым лезвием и чуть изогнутой рукоятью из материала, похожего на пожелтевшую слоновую кость. – Это особым образом обработанное серебро, и в него добавлены крошки от особым образом обработанного белого камня. Кто-то считает, что лишь мастер артефактов может раскрыть его душу, а я вот не мастер, но кое-что могу. Этот топор убивает то, против чего бессильна самая лучшая сталь. И, хотя никто не определит в нем ни следа магии, она все же есть. Мой топор волнуется, Леон. Он обжигает мне бок. Чувствует, что скоро ему придется как следует поработать.

– Поработать?

– Да, Леон. Нас прикончит не голод. И не холод. К нам что-то подбирается. Не знаю что, но топор знает. Он готовится. И ты будь начеку. Не веришь мне?

– Я понятия не имею, как вы сюда добрались, другим тем более не добраться.

– Да, тропу занесло так, что назад дороги нет, но мир непрост, всегда можно найти другие пути.

– Но вы же не нашли. Так и сидите в горах.

– Мы еще живы, что-то, может, и найдем.

– Ты бы остальных предупредил. О своих предчувствиях.

– Никто не верит бредням Дамуса, все думают, что после всего пережитого, кроме металла, я ни на что не годен. Может, и так, но мой металл – особый, в нем есть душа, она умеет шептать нужные слова, и я умею их слышать. Так что готовься и ты, что-то обязательно будет, мой топор врать не станет. Ну что ты так на меня смотришь? Что-то не то увидел?

– Глаза у тебя какие-то...

– Что? Сумасшедшие? Да на этих самых глазах пещерный демон сожрал моего лучшего друга. Мою любимую женщину досуха высосали кровососы, а я лежал рядом и ничего не почувствовал. Мстили, твари. Ну да, было за что, признаю... Счастье, что в ту ночь рядом не было нашей дочери, ее бы тоже не пощадили. Леон, у меня с тех пор всегда такие глаза, но я куда нормальнее некоторых. Э, куда это ты так косишься? На Кайру, что ли? А почему взгляд такой, будто его маслом залили? Не смотри на нее так, не надо.

– Да на кого хочу, на того и смотрю. Чего пристал?

– А вот на нее не смотри. Так не смотри. Хорошая она и, хоть дерьма навидалась, не пристаёт оно к ней. И на дочку мою похожа. Не хочу, чтобы такой, как ты, вот так таращился на нее.

– А что со мной не так?

– Ты, Леон, за психа меня держишь, а мне верить надо. По всему получается, что ты тоже дерьма навидался, но к тебе оно как раз прилипло. Так вот: не надо еще и Кайру им мазать. Понял?

– Да ты точно псих...

– Может, и так. Но все же не надо. И это... не забудь про мой топор. Спи одним глазом. А то ночи здесь темные, всякое может быть...

* * *

Айша я нашел в помещении, располагавшемся на полпути к выходу из крепости. Здесь уже было достаточно холодно, чтобы не таяла вода, но не настолько сурово, чтобы под носом вырастали метровые сосульки. Тут хранили оставшиеся съестные припасы и дрова.

Айш был не один, а в компании Местиса – седобородого благообразного старичка, которому Кайра разрешала заходить ко мне в дни болезни. Именно он подзаряжал светящийся шарик и менял уголь в жаровне.

Сейчас Местис занимался тем же самым – освещением. Только на этот раз шарик был какой-то странный: не белый, ласковый, а кроваво-красный и к тому же покрыт темными разводами, выглядевшими весьма злое. Они непрерывно двигались, и, если вглядеться, начинало казаться, что смотришь некачественный фильм с крайне пугающим сюжетом.

– Не помешал? – осведомился я, не отрывая глаз от странного светильника.

– Нет, Леон, – ответил Айш, также наблюдая за шариком.

Местис как раз молча поднес к нему ладони, и свечение немного усилилось.

– Мне тут Дамус кое-что рассказал по секрету, я бы хотел, чтобы ты, Айш, это знал.

Главный страж растянул кончики тонких губ в бесстрастной улыбке:

– Дай догадаюсь: мастер металлов заявил, что его серебряный топор нашептал нехорошие новости о неких несчастьях, что вот-вот на нас свалятся.

– В точку.

– Леон, Дамус все время разговаривает со своим топором, и тема бесед у них, как правило, однообразная. Он хороший человек, но слишком много пережил, беды мерещатся ему на каждом шагу. К тому же там, за Срединным хребтом, осталась его дочь – единственный родной человек. Сам понимаешь, каково ему теперь. Мы уже привыкли и прощаем ему все чудачества. Не обращай внимания.

– А что это вы здесь делаете? И светильник какой-то странный...

– Это не светильник. Не совсем светильник. Это... Ну, если кто-то здесь попытается пройти, он его остановит и подаст сигнал.

– Охранник такой, что ли? То есть теперь здесь не пройти?

– Ты пройдешь, я пройду, все мы пройдем, а вот у чужого возникнут проблемы, если заденет сигнальную нить.

Моя профессия обязывала интересоваться всем, что касается охранных систем, и потому с интересом уточнил:

– Что за нить? Не вижу ее.

– Ты ее и не увидишь. Заденешь – не заметишь. Нас она игнорирует, так настроена.

Ее может активировать только чужой.

– Я тут чужих никогда не видел. Да сюда и дороги нет. Много ли осталось тех, кто знает про этот форпост?

– Но дорога есть. Когда-то по ней прошли исследователи, могут пройти и другие.

– Она занесена.

– Снег – не такая уж непреодолимая преграда.

Решив, что более говорить не о чем, я развернулся назад. Пора в тепло. А по пути подумал, что к бредням Дамуса все же прислушиваются, раз дело дошло до охранной сигнализации.

Ну и правильно: бредни бреднями, но мы здесь в полном заточении и вынуждены по сто раз обсасывать одни и те же мысли. Варимся в собственном соку. Еще немного такой жизни, и начнем замечать призраков во тьме глубин старого форпоста. Ну, а там и до созерцания сил тьмы недалеко, и прочих зеленых чертей.

Все больше и больше начинаю понимать тех, кто из тюрьмы возвращаются совершенно другими людьми.

Сон – одна из немногих радостей нынешней жизни. А что тут хорошего? Мороз, скученность, люди все собрались мрачные какие-то и на меня поглядывают не то чтобы косо, а как-то не так. Неудивительно, ведь я чужак в спяном коллективе, который прошел через многое, прежде чем вляпаться в эту западню. Даже по душам здесь не с кем поговорить. Да мне и не надо, мне бы информации побольше, но такие душевные разговоры, как с Дамусом, больше не повторяются.

Даже с Кайрой не удастся словом перекинуться. После перебазирования народа сразу две немолодые женщины заболели, и она почти все время проводит возле них.

Кстати, женщин заметно больше, чем мужчин, и магически одаренных среди них меньшинство. По отдельным обмолвкам понял, что в первую очередь старались спасти слабый пол, в том числе и тех простых людей, кто традиционно поддерживал стражей. А может, сами увязались, подробности мне никто не удосужился рассказать. И вообще, я так понимаю, что, при всем желании, полной картины случившегося могу и не узнать, эти люди прямо-таки обожают секреты.

При такой скученности лишь в часы сна остаешься сам себе предоставленным. Можно спокойно полежать, прикрыв глаза, переварить то, что узнал за день, подумать о дальнейших перспективах.

А вот с ними все очень плохо. Талашай за минуту слопал то, на чем вся наша орава могла продержаться несколько дней, после чего обвел нас печальным взглядом радужных глаз, быстро понял, что больше ничего не обломится, и, печально вздохнув, свернулся в клубок. Холодно ему здесь, спячка для него – спасение.

На мой взгляд, сил у него не прибавилось. Такими темпами муунт оставит нас без единой крошки, но так и не будет готов к дальнейшему полету.

Завтра он получит последнюю, такую же скромную пайку, после чего я опять залезу ему на спину и мы помчимся на север. Если повезет, доберемся до моря, если нет, мою заледеневшую мумию через много-много лет отыщут здешние горнолыжники или альпинисты.

Других вариантов нет, дорогу на спасительный север преграждают неприступные кручи. Никакого намека на тропу среди них в свое время строители последнего форпоста не нашли. Попытки взобраться ни к чему хорошему не привели: слишком холодно, слишком разреженный воздух, люди не выдерживали. Путь назад, на юг, очень непрост, на нем стражи потеряли несколько человек. И это с учетом того, что в основном работал Талашай, перетаскивая людей и грузы. Теперь он недееспособен, и к тому же сезонная смена ветров замела тропу исследователей. Там сейчас куда ни плюнь – попадешь в лавиноопасный склон, где все висит на честном слове. В общем, не вариант.

О том, что будет, если мы все же доберемся до побережья, я пока что всерьез не размышлял. Не та сейчас ситуация, чтобы далеко загадывать. Да и не знаю я ту местность, трудно планировать какие-либо действия.

С такими мыслями непросто засыпать, но в какой-то момент я все же впал в недолгое забытие. А может, и долгое, трудно сказать. Однако до утра сопящим телом не провалялся, пришлось пробудиться. Причем не по своей воле.

Ритмичное подергивание на груди, и разливающаяся там же неприятная теплота. Будто

что-то чужеродное присосалось и пьет жизненные соки. Почему-то сразу вспомнилась история с подругой Дамуса, которую высосали досуха какие-то неведомые кровососы. К счастью, почти сразу понял, что в моем случае они ни при чем. Тайнственный амулет, который я носил на груди по настоящему совету Кайры, будто ожил. Именно он меня разбудил и, что самое интересное, после этого почти мгновенно успокоился.

Ни назойливой вибрации, ни липкой теплоты. Кусок золота с заточенным в нем камнем, и более ничего.

Нет, кое-что все же есть. Несмотря на ночное время, спали мы не в полной темноте. В помещении, что разделяло женские и мужские комнаты, оставался магический светильник. Его отблески пробирались к нам через пустой дверной проем, его мы не закрывали, иначе от духоты взвоем.

Вот в этих отблесках было видно, что в объятия Морфея здесь отправились не все. Какие-то темные ссутулившиеся фигуры скользили меж жердевых лежанок, то и дело наклоняясь к спящим. Движения их были быстры, не по-человечески прерывисты и совершенно бесшумны.

Несмотря на странность происходящего, я с трудом удерживался от того, чтобы плюнуть на все, закрыть глаза и досмотреть весьма приятный сон, из которого был вырван некогда украденной золотой безделушкой.

Не спать, Леон, не спать! Тут явно что-то не так.

Одна из фигур, бесшумно проскользнув мимо в трех шагах, на ходу повернула голову, продемонстрировав заостренные уши и красноватый отблеск глаз, отразивших луч светильника.

Нет, это точно не наши. Гости пожаловали. Незваные.

Понятия не имею, кто они и как нас нашли, но одно не вызывает сомнений: ничего хорошего с собой не принесли. Им нужны стражи, ну, а я, так, мелкая песчинка, прилипшая к чужому ботинку. Прикончат вместе со всеми, и хорошо, если сделают это быстро.

Чем они вообще занимаются сейчас? Убивают стражей одного за другим? Нет, больше похоже на какой-то гротескный балет бесшумных танцоров. Они будто приносятся к одному за другим. И вот-вот очередь дойдет до меня.

Почему все спят? Неужели никто этого не видит? Здесь же полтора десятка лбов валяется, должен же хоть кто-нибудь проснуться от такого представления?

Впрочем, один уже проснулся. И ему пора что-то решать. «Танцоры» все ближе и ближе, не удивлюсь, если «приносятся» они не просто так, а выискивая бодрствующего.

Бурная воровская жизнь научила меня простой вещи: береги свое добро, если не хочешь, чтобы оно поменяло хозяина без твоего разрешения. Вот и сейчас ценный рюкзак под головой служил подушкой. Жестковато, конечно, и мешают выпирающие углы содержимого, но для меня такое неудобство не проблема.

Проблема в другом – те самые выпирающие штуковины быстро не вытащить. И уж незаметно – тем более, придется пошевелиться. Бросаться с голыми руками на противников, возможности которых неизвестны, – глупейший пример суицида. При таких раскладах хоть бери и поднимай руки для малопочетной сдачи в плен, но оставалось еще кое-что – винтовка, некогда наглым образом выклянченная у Надара. Такое ценное оружие по-хорошему надо бы держать все время в холоде. Иначе, если попадет в тепло, выступит конденсат, а там и коррозия пойдет бурными темпами. Но Дамус, немного поколдовав над моим оружием, не стал изменять огнестрельное, сделав лишь одно исключение: влага

металлу теперь не страшно, ржаветь не будет.

Винтовка в рюкзак поместиться не могла, и приходилось держать ее рядом, под своей лежанкой, чтобы никому не мешала. Там она сейчас и находится, только руку протяни. Легкий спуск, точнейший по местным меркам бой, безотказность, восемь патронов в трубчатом магазине, высокий темп стрельбы, пули такие, что при желании можно поохотиться на слонов. Я над ними лично поработал, без оглядки на всякие там Женевские конвенции.

Вот мы сейчас и поохотимся кое на кого...

Вроде бы в таких случаях положено для начала закричать «руки вверх» и прочее, но этот вариант хорош для тех, кто мечтает умереть, точно зная, что не нарушил важных правил. Так как мне на них плевать, я первым делом лучше выстрелю, ну, а потом, может быть, что-нибудь скажу, если буду уверен, что моей драгоценной шкуре более ничего не угрожает.

Медленно, очень медленно шевельнул рукой, направляя ее вниз. И тут же увидел, что танец прекратился, как и всякое движение: неведомые гости замерли, и, похоже, все как один устали в мою сторону.

Вот же неприятность какая... Ну да ладно, раз не получилось незаметно, сделаем хотя бы быстро.

Рывок всем телом, щеку холодит каменная поверхность пола, рука ныряет под лежанку, ладонь обхватывает шейку приклада. Есть! А теперь поработать ногой, да посильнее. Неказистая койка сделана из ремней и кожаных полос, вес у нее невелик и от пинка взмывает в воздух. С ее траектории стремительно уклоняется ближайшая темная фигура, а я, вскинув винтовку, жму на спусковой крючок.

С такой дистанции не промахнуться, но из-за выхлопа порохового пламени я ослеп на несколько мгновений. Да и ошеломило слегка: приклад поднять к плечу не успел, и отдачей мне едва скулу не свернуло.

В глазах развиднелось, первый противник, получивший в бедро разрывную пулю, исчез. Похоже, рухнул в проход между лежанками и ждет доктора. Пусть валяется, на очереди остальные.

Кстати, где они? Вон что-то шевельнулось в углу. Или мне мерещится? Свету бы побольше.

Тьма над головой сгустилась, из нее пауком с растопыренными лапами вылетела человеческая фигура. Я, конечно, попытался поднять винтовку, но куда там, все произошло слишком быстро. Миг, и оружие вывернуло из рук, а на шее сомкнулись тиски, причем не слесарные, а с массивными ногтями, скорее даже когтями, глубоко впивающимися в кожу.

Нечего и думать вывернуться из захвата противника, обладающего такой дикой силой. И вообще, я в паре секунд от перелома шеи. Другой бы впал в панику, но это не мой случай. Нож на поясе – полезная вещь. Вот уже ладонь сжимает рукоять, а вот лезвие снизу вверх заходит в податливую брюшину и идет все выше и выше, оставляя за собой зияющий разрез.

Впервые за все время схватки источником звуков стали противники. Мой заклекотал, будто рассерженный орел, рванулся в сторону, намереваясь резким движением сломать мне шею. Так бы и произошло, сопротивляясь я его действиям. Но нет, в таких случаях лучше делать все наоборот, ему же будет хуже.

Рывок был силен, но ушел вхолостую. Мало того, душитель потерял равновесие и, чтобы не завалиться, был вынужден отпустить добычу. А вот я удержаться не сумел, упал на пол и, не останавливаясь ни на миг, закатился под ближайшую койку.

Увы, но отсидеться под ней мне не позволили. Кто-то почти сразу ухватил за ступню, потащил с такой силой, что сопротивляться было невозможно. Я, правда, попытался хвататься за жерди, но лишь рассадил пальцы впустую.

Последний рывок, и я увидел противника. Нового или все того же – не понять. Темная фигура на фоне слабо мерцающего дверного проема, сгусток мрака с человеческим силуэтом. Странно, но лицо Дамуса, поднимавшегося за спиной незваного гостя, я почему-то вижу прекрасно. Как и опускающийся топор с белым лезвием. Противный хруст, такой же неприятный хлюпающий звук, и моя нога освободилась. Поверженный враг еще падает, не по-человечески дергаясь, а мастер по металлу уже нападает на следующего, сонным голосом крича:

– Подохни! Тварь!

Искать винтовку некогда, но моя койка – за спиной, а на ней рюкзак. Наверное, никогда в жизни я не раскрывал его так быстро, не сводя при этом взгляда с Дамуса. Только теперь понял, почему его видно, несмотря на почти полный мрак. Мастера обволакивала пелена из полупрозрачного колышущегося студня, испускавшего синеватое сияние, вот оно-то и давало разглядеть многое, скрывая при этом мелкие детали. И, к сожалению, совершенно не освещало врагов. Те так и остались сгустками тьмы, летящими на Дамуса из углов, с проходов меж лежанок, с потолка. Некоторых он успевал встретить ударами топора, другие, не дотянувшись до его тела, с тем же клекотом отскакивали, отчаянно тряся дымящимися конечностями.

Ноздри уловили смрад горелого мяса. А глаза еще одну фигуру, заходящую Дамусу со спины. Не знаю, насколько его защищает сияние с этой стороны, но знаю, что будет, если оно не спасет. Стража прикончат, а затем плотно займутся моей драгоценной персоной, ведь, несмотря на весь этот шум, сражались лишь мы двое, остальные и не думали подниматься.

Револьвер – первое, что подвернулось под руку. Вскинув, дважды выстрелил в спину подбирающемуся к Дамусу противнику. Гад, заклекотав, прыгнул кузнечиком, исчезнув на потолке. Да уж, странные дела, ведь калибр у этой армейской игрушки примерно равен нашему сорок пятому. После такого попадания доктор помогает далеко не всегда, а уж чтобы так быстро улепетывали – невозможно представить.

Мне это снится?!

– Леон, сюда! Бегом сюда!

Вряд ли Дамус будет советовать в такой ситуации что-то плохое, так что я бросился к нему, не задумываясь. Мастер металла взмахами топора остудил острое желание парочки темных фигур познакомиться со мной поближе, так что я добрался до пустого дверного проема без помех.

– Держи! – Дамус, топором смахнув на пол руку опрометчиво приблизившегося неприятеля, сунул мне какой-то крохотный пузырек. – Пусть Ойя выпьет, или хотя бы брызни ей на лицо! Да быстрее, долго я их не удержу! И бей им в голову, это хоть на чуток задержит!

Пули в голову останавливают всего лишь на чуток?! Вот ведь странно, а я-то, недоумок, всегда думал, что они отправляют в морг с гарантией, близкой к ста процентам.

Господи, да что я забыл в такой заварухе, быстрее заberi меня отсюда!

Голова начинала паниковать, а ноги между тем несли меня через освещенное помещение к проему, ведущему в женские покои. С Ойей я не общался, но ее, как и других, мне представляли. Женщина лет тридцати с простецким лицом потомственной доярки. Не знаю, сведущая она в магии или нет, и не представляю, зачем в такой ситуации брызгать

ей на лицо какой-то сомнительной гадостью, но Дамус, надеюсь, понимает побольше и не такой уж псих, как можно предположить по его глазам.

В женских покоях меня ждали: сгусток тьмы рванулся навстречу с такой скоростью, что я даже не стал стрелять, на спуск толком нажать не успеешь. Просто отпрыгнул назад. Противник по инерции вылетел через порог и заклекотал, присел, вскинул руки, заслоняясь от магического светильника. Только тут я впервые сумел как следует разглядеть хоть кого-то из нападающих, и увиденное очень не понравилось.

Лысая башка, обтянутая морщинистой бледной кожей, огромные кроваво-красные глаза, мясистые треугольники морщинистых ушей, неестественно длинные пальцы, на которых, по моему, число фаланг побольше, чем у меня.

Да это, похоже, вообще не человек. Тварь, на него похожая. И свет ей не нравится. Только вот может ли он ее остановить?

Отвечать мне никто не торопился. Да и не надо, ведь кое-чему научить успели даже в горячке боя. Две пули в упор, прямо в бледное лицо. Во все стороны разлетаются кровавые ошметки, тварь заваливается. С трудом удерживаю себя, чтобы не потратить оставшиеся патроны. Дальше могут встретиться еще, а револьвер быстро не перезарядить. Да и чем, если патроны остались в рюкзаке?

А Дамус долго не продержится...

Я везучий человек, никто не кинулся навстречу при второй попытке ворваться в женское помещение. Потерял несколько драгоценных секунд, бестолково мечась меж лежанок, пытаюсь во мраке найти Ойю. Свет, мне срочно нужен свет! Вроде вот она, но не уверен. Отвел руку в сторону, нажал на спуск. Револьвер бабахнул, выбросив столб пламени. В свете этой кратковременной вспышки я успел заметить, что не ошибся.

Рванул пробку пузырька. Не поддается. Чуть не рыча поднес руку к лицу, стукнул по стеклу револьверным стволом. Еще раз, еще, еще, сильнее! Есть! Печальный звон погибшего флакона, холодные брызги.

Ну и что дальше?

Ойя, поднявшись рывком, деревянным голосом произнесла:

— Леон, в сторону.

В этот же миг медальон кольнул электрическим разрядом, будто подстегивая. Я уже начал движение, одновременно разворачиваясь и вскидывая револьвер с последним патроном в барабане. Тварь, что еще несколько секунд назад валялась у порога, орошая камни пола содержимым раскрытого черепа, летела на меня в затяжном прыжке, уже почти дотянувшись когтями.

И тут же от поднимающейся Ойи ударил ослепительный луч. Тварь понеслась назад, будто мяч, отразившийся от ноги неплохого бомбардира. Только мячи при этом не теряют конечности и прочие части тела. А этот теряет — они в разные стороны разлетаются, дымя при этом, будто комки сырой бумаги. Порыв непонятно откуда взявшегося ветра едва не сбил меня с ног, груда почти остывших углей в жаровне при этом загорелась так, что языки пламени едва не достали до потолка. Причем мгновенно.

Встав, Ойя нетвердой походкой направилась наружу. Замерла на пороге, ударила куда-то еще раз, послабее, шагнула дальше, исчезнув из поля зрения. Почти сразу донесся ее голос, уже куда более бодрый, чем в первый раз:

— Дамус, в сторону.

Это, возможно, не очень по-джентльменски, но я не торопился отправляться за ней.

Понятия не имею, что буду делать в схватке с таким противником, имея за душой последний патрон. Застрелиться в мои планы точно не входит.

В общем, траве следует находиться подальше от тех мест, где дерутся слоны. Вот и я не буду лезть, лучше присмотрю за представительницами слабого пола, мало ли что может случиться, да и общество здесь приятное.

Угли, так быстро вспыхнувшие, гасли почти так же быстро. Но в отблесках их пламени я краем глаза уловил, что в одном из углов, несмотря на всю иллюминацию, уцелел сгусток темноты.

Оглянулся. Пригляделся. Тьма шевельнулась, превратилась в тварь. Последние отблески пламени осветили ухмылку тончайших губ и блеск аккуратных острейших клыков.

Один патрон. Всего один. Если попаду точно в голову, у меня будет несколько жалких секунд на то, чтобы убраться. Куда? Да какая разница, об этом можно будет подумать потом.

Тварь прыгнула. Револьвер выстрелил. Я не промахнулся. Но и не попал так, как должен был попасть. Пуля, вместо того чтобы пробить череп, прошла вскользь сбоку, разодрав ухо. Человекоподобный монстр, может, и не был этому рад, но даже не дернулся. Я было рванул в сторону, но куда там... Удар в плечо был такой силы, что на ногах я не удержался, покатился по полу и перевернул чью-то лежанку, приложившись об нее так основательно, что на несколько мгновений потерял возможность следить за обстановкой.

Придя в себя, даже сумел по-настоящему удивиться: никто не душит, не рвет мое мясо когтями и клыками, и вообще игнорируют напрочь. Перед глазами еще летали мириады досаждающих искр, но в их хороводе я разглядел, что тварь занята другим. Замерев на месте, она с ненавистью буравила взглядом поднимающуюся Кайру. Девушка одну руку подняла вверх, наливая силой зарождающийся магический светильник, другую направила на морду монстра, при этом между разведенными пальцами проскакивали еле заметные электрические разряды, а из закушенной губы начинала сочиться кровь. Я еще ни разу в жизни не видел, чтобы человек находился в таком сильнейшем напряжении – у нее будто каждую мышцу свело до одеревенения.

Нетрудно было догадаться, что контроль над тварью дается целительнице непросто. Понятия не имею, сколько она сумеет продержаться, но то, что помощь ей не помешает, – несомненно. Патронов больше нет, но остался нож, каким-то чудом я его не потерял, в суматохе успел сунуть назад в ножны. Хорошо, что кровь еще не засохла, легко вышел обратно.

И еще лучше, что тварь обездвижена. Она даже не дернулась, пытаясь мне помешать. Не так просто пробить череп легким клинком, но это если не использовать слабые точки. Глаз – всегда слабость, именно в него я и вонзил свое оружие по самую рукоять, удерживая ее обеими ладонями.

Монстр задергался, завалился на спину, продолжая биться в конвульсиях. Кайра опустила руки, обессиленно облокотилась о стену, прерывисто пробормотала:

– Спасибо, Леон... Еще немного, и... Только не надо вытаскивать нож. Чужеродный предмет в такой ране может задержать их чуть дольше. Или даже надолго.

За порог шагнул Дамус, с ходу пробурчав:

– Зачем надолго?

Подойдя к поверженной твари, он парой ударов отделил голову от тела и пнул, заставив выкатиться вон. После этого отер пот со лба, спросил:

– Зелье осталось?

- Я разбил пузырек.
- Кайра, ты как? – обернулся он к девушке.
- Сейчас буду в порядке.
- Поднимай остальных, кровососы всех одурманили.

Так это, получается, были те самые кровососы, которые когда-то расправились с возлюбленной Дамуса?!

Вот мы и познакомились...

Только как же они сюда попали?

– Леон, ты должен пройти со мной.

Я, вообще-то, никому ничего не должен, ну, кроме разве что Кайры, она как-никак меня с того света вытащила. К тому же мне, наверное, все теперь обязаны спасением от ночных гостей, но заявлять это Айшу – лишнее.

Долго шагать не пришлось, мы оказались во все том же складском помещении. Кроме нас здесь были Ойя, Дамус и Кайра, все они на корточках сидели перед телом Вайджа. То, что страж, изменивший свое настоящее имя из уважения к великому магу Дайджу, мертв, было очевидно и без врача. У бедолаги отсутствовали глаза вместе с частью лица, а вокруг тела расплзалась отвратительно выглядевшая лужа уже начавшей замерзать крови. Ее было столь много, что никогда бы не поверил, что так много может уместиться в таком тщедушном теле.

Кровососы убили? Может, и так. И зачем меня сюда привели?

Вайдж лежал здесь не в одиночестве. Было еще одно тело. Хотя правильнее было сказать – фрагмент тела. Что-то около половины. Уж не знаю как, но кто-то или что-то разрезало одного из нападавших от макушки и до самого низа, чуть наискосок. Если верхняя часть была относительно полной, то нижняя представлена лишь частью бедра.

Не знаю, каким образом нанесли столь чудовищное ранение, но, похоже, что все произошло очень быстро. Половинка тела, в один миг лишившись опоры, рухнула, безобразно разбросав оставшиеся без поддержки внутренние органы. Они теперь лежали компактной кучкой в луже замерзающей крови и смердели так, что хотелось заткнуть нос.

Очень острое лезвие. Черные одежды рассекло, будто бритвой. То же самое случилось с мягкими тканями и костями.

Куда делась вторая половина – загадка. Если ее унесли, должны остаться кровавые следы, но их нет. Будто эта груда исковерканного мяса появилась здесь внезапно, сама по себе, материализовавшись из воздуха.

Айш, присев рядом с телом Вайджа, потрогал пальцем кровь, задумчиво произнес:

– Он умер до того, как все началось. Так ведь, Кайра?

– Да. Некоторые еще не спали, но никто ничего не видел.

– И никто не насторожился тому, что его нет на своем месте...

– Такое бывает, – сказал Дамус. – Кто-то вышел до ветру, кому-то подышать захотелось перед сном. Мы тут не взаперти живем.

– Кайра, ты больше всех в людях разбираешься. Говори, что, по-твоему, здесь случилось.

– Вайдж пришел в склад и отключил защиту. Это его убило, ведь ставил защиту не он, и знаний таких у него не было. Он вообще не маг, он простой человек.

– Нам это известно. Зачем он это сделал?

– Вайдж не предатель.

– Это мы тоже знаем.

– Я могу только предполагать.

– Кайра, мы ждем именно этого, не тяни.

– Помните, как погиб Дайдж?

– Никто не знает, как он погиб, – буркнул Дамус.

– Да, подробностей мы не знаем. Только рассказы о дыме, который видели издали.

– Ну, так Дайдж не свинья из хлева, помереть, не прихватив кого-нибудь с собой, не мог. Не такой он человек, чтобы тихо уходить.

– Вайджа при этом схватили, но врагов оставалось мало, потом он сумел уйти.

– Ну да, мы всегда знали, что он ловкий парень.

Кайра покачала головой:

– Недостаточно ловкий. Он не ушел, ему позволили уйти. И перед этим что-то с ним сделали и заставили об этом забыть. А я не смогла это определить. Моя вина... моя слабость. Он не сам убрал защиту, его заставили, превратили в инструмент.

– И так понятно, что он бы не стал себя убивать вот так, – сказал Айш. – Значит, ты полагаешь, что именно тогда, после гибели Дайджа, они это проделали?

– Они понимали, что мы не бросим Вайджа. Он все время был среди нас. И у них всегда была возможность до нас добраться. Может, даже следили через него. Не все знали, а, допустим, только эмоции Вайджа. Такое проще скрывать, вот поэтому я и не заподозрила посторонний контроль. Никто не заподозрил. По эмоциям могли судить, что мы попали в западню и вот-вот умрем сами, без постороннего вмешательства. А сейчас, с появлением Леона, появилась какая-то надежда. Вайдж мог поверить, что все обязательно завершится хорошо, они это узнали и приняли меры. Вот, посмотрите.

Кайра указала на ладонь мертвеца. Как по мне, так ничего интересного. Разве что грязная очень, вся в каких-то черных точках, похожих на подпалины. А рядом в крови свернулся тонкий кожаный ремешок.

– Похоже, что это был одноразовый амулет, – заявил Айш. – Разрушился при применении.

– Я тоже так подумала. Вайдж не просто отключил защиту, но еще и активировал его. Амулет разрушился, построив кратковременный портал. По нему и пришла стая. После этого они позаботились о том, чтобы мы не заметили отключение защиты. Ну, и об остальном тоже. Прости, Айш, но я ничего такого не разглядела в Вайдже. Даже предположить не могла, что с ним что-то не так. Ведь знала его до этого, никаких изменений не было.

– Ничего, девочка, в этом точно нет твоей вины. Ты целительница тел, а не защитница душ человеческих. Впредь придется внимательнее присматривать друг за другом, вдруг есть еще кто-нибудь вроде него.

– Вряд ли. Только Вайдж попадал к ним.

– Мы теперь знаем точно, что он попадал, а о других можем не знать всю правду. Наши враги сильны и весьма находчивы, сами видите. Леон, а теперь твоя очередь рассказывать нам свою историю: что случилось ночью?

Застигнутый врасплох неожиданным вопросом, я только и смог что произнести очевидное:

– А вы разве сами не знаете?

– Понимаешь, Леон, те, кто на нас напали, действовали наверняка. И, пользуясь беспечностью, установили полный контроль. Любой маг – прежде всего человек. Он бывает уязвимым, особенно во сне. Они действовали наверняка: усилили естественный сон, кровососы это умеют лучше, чем кто бы то ни было; в итоге одурманили так, что самостоятельно очнуться было непросто; и только после этого начали нас убивать. Их подвело то, что делали они это крайне медленно. Такая уж у них привычка, растягивать удовольствие. – Айш задрал подбородок, продемонстрировав пару аккуратных ранок. – Хотели выпить нас досуха, неспешно, смакуя каждый глоток. Как бы сильны мы ни были,

но никак бы не смогли такому противиться. В безвольных кукол превратились. Но тут поднялся ты, и кое-что в их плане пошло не так. Так Расскажи: почему мы все лежали, а ты один сумел действовать?

– Не знаю. И я не один был. Вон, Дамус тоже встал и куда больше жару им задал.

– Дамус – другое дело. Даже не знаю, как сказать... Дамус, дружище, разрешишь пару слов?

Оружейник, помедлив, кивнул, и Айш продолжил:

– Понимаешь, Леон, в его жизни был крайне неприятный эпизод, связанный с кровососами. С тех пор он не то чтобы их боится, наш Дамус никого не боится, но такая смерть не для него. Он так давно решил. И с тех пор, во вред всему остальному, не расстается с парой амулетов как раз на такой случай. Но даже они его бы не спасли, не будь рядом тебя. Слишком удачная ситуация для вампиров, магические безделушки при таком ходе событий не очень-то помогают. Дамус тоже был одурманен, но не настолько, как остальные. Тот грохот, что ты устроил, его пробудил, и он не растерялся. Так что началось все именно с тебя. Ну и что случилось? Ничего не хочешь нам рассказать?

Мне оставалось пожать плечами:

– Говорю же: понятия не имею. Спал, сон видел, проснулся, вижу: темные фигуры шастают. Разглядеть их не мог, но понятно, что не наши. Хотя... стоп!..

– Что?! Что, Леон?! Что ты вспомнил?! – наперебой затараторили стражи.

Я достал амулет:

– Вот. С того самого мига, как я... э... нашел эту штуку, меня преследуют разные неприятности. И в основном из-за нее. Но сегодня она вроде как выручила. Первый раз такое случилось. Я проснулся оттого, что от украшения расходило тепло. И оно вроде как дергалось. Вибрировало неприятно. Открыл глаза, и это быстро затихло. И да, был какой-то дурман, веки стали неподъемными, хотелось плюнуть на все, забыть об этих темных фигурах, но как-то себя сумел пересилить. Потом оружие помогло мое. Вы же его видели, я даже стрелял однажды, показывал на улице.

– Да, мы все помним, было очень громко. Вот это оружие Дамуса и разбудило. Леон, ты не будешь против, если я взгляну на твой амулет?

– Кайра смотрела, да и другие вроде бы тоже.

– И я в том числе. Но сейчас хочется взглянуть еще раз.

– Смотри, конечно, мне не жалко.

Айш покрутил украшение в руках, посмотрел через него на свет, затем повторил то же самое, но глядел уже на обезображенное тело Вайджа. Все молча следили за его манипуляциями, не мешая ни словом, ни жестом.

Наконец, он нарушил тишину:

– Не могу сказать ничего принципиально нового. Работа, без сомнения, очень старая, но видны следы куда более новых вмешательств. Думаю, оправа была повреждена, ее починили без оглядки на исходную форму, отсюда и пара несообразностей. Вот только в этом амулете оправа не играет ни малейшей роли. Главное – камень, все остальное не более чем наносная шелуха.

– Я никогда не видела таких камней, – впервые отозвалась Ойя.

– Я тоже, – кивнул Айш. – Но слухи о том, что есть камни, маскирующие под черный, но на деле являющиеся совершенно другими, слышать приходилось.

– Этот камень не черный, – возразил я. – Он скорее зеленый.

– Дело тут не в том цвете, что ты видишь. Есть общепринятая классификация камней-артефактов, и все они делятся на две главные группы: черные и белые. Но это разделение вовсе не по цветам, а по эффектам. Камни черного цвета и белого тоже есть, и они стоят особняком, получив собственные названия: теневик и альбит. Правда, некоторые так и называют по старинке: черные и белые, отчего иногда возникает путаница. Первые честный маг использовать не может, они не дадут прибавку к запасу сил. Вот как этот: при беглом осмотре складывается впечатление, что его можно смело относить к черным как по темно-зеленому, почти черному цвету, так и некоторым другим внешним признакам. Какой-нибудь несведущий некромант мог бы отвалить за него целое состояние. И прогадал бы очень сильно, потому что ничего черного в камне нет, он как бы выдает себя под то, чем не является. Но и белым его не назовешь. Он не черный и не белый, он совершенно другой. Его вообще невозможно ни к чему причислить. Среди нас, к сожалению, нет специалистов в этом вопросе, но даже если бы был, вряд ли сумел сказать больше. Этот камень – та еще загадка. Таких вообще нет в общепринятой классификации. Возможно, он единственный в своем роде. Или даже вообще не относится к нашему миру. Леон, откуда он у тебя? Только не говори опять, что нашел, даже маленькие дети в такое не поверят.

– Ну, как бы не совсем нашел...

– Говори как есть, и, если можно, покороче.

– Если совсем коротко: я его украл.

– Где именно украл?

– В моем мире.

– Там есть другие камни? Похожие на этот?

– Не знаю. Я их не видел. И никогда не слышал о таких. И магов тоже не видел. У нас они только в сказках, ну, и шарлатаны с фокусами выдают себя за них.

– Кайра говорит, что этот камень выбрал тебя своим хозяином.

– Да? А я вот почему-то чувствую себя в этой паре подчиненным. Из-за того что я не ублажал этот темно-зеленый булыжник, он наслал на меня сорок смертельных болезней.

– Не сорок, – мгновенно встрепенулась Кайра.

– Количество тут не принципиально.

– Ты слишком долго держал его при себе. Думаю, дело может быть в этом.

– Прежний владелец хранил его в запертом стальном ящике. Но, думаю, не все же время; возможно, камень бывал и рядом с ним. Но не думаю, что от этого был какой-то вред, не повезло именно мне. Это украшение имеет форму вашего мира, так?

– Не совсем, – поправил Айш. – Таким наш мир был в глубокой древности, до катастрофы. После нее первозданный облик сохранила лишь северная вершина, на юге она сильно пострадала. По крайней мере, об этом сказано в тайных географических записях, что хранились в нашем архиве.

– Кайра уже рассказывала. Вот что хочу сказать: я никогда не слышал про ваш мир, и про то, что в него можно попасть, тем более не слышал. В тот день, когда я первый раз увидел эту штуку, со мной случилась неприятность. Я упал с крыши высокого дома и должен был погибнуть. Но вместо этого оказался в камере Дата, посреди начертанной на полу пентаграммы. На что угодно готов поспорить, что ваш друг здесь ни при чем, или почти ни при чем. В тот раз камень меня спас. И сегодня он опять это сделал. Не знаю, что у этого булыжника на уме, но он не только вредит, но и защищает. Такие вот у меня мысли.

– Похоже, что так, – кивнул Айш. – Нам всем очень повезло, что у тебя есть такой оригинальный охранный амулет. Жаль, что не знаем всех его функций.

– Нам повезло, что у нас есть Ойя. От нее куда больше толку, чем от меня, моего амулета и топора Дамуса. Я вообще бесполезен. Их не берут пули в голову, это крах всех моих представлений о борьбе с темными силами, я просто раздавлен.

– Если голову отсечь, вампир погибнет. Твоя пуля тоже может его убить, но не уверен, что пробьет костяные пластины, защищающие грудь.

– Они умирают, если попасть в сердце?!

– Сердце у них окружено жизненно важными нервными узлами, при удачном попадании смерть почти мгновенная. Но спереди и сзади там защита: крепкая кость, точнее – нечто на ее основе, но более крепкое. По сути – броня. По бокам защита гораздо тоньше, но кровососы не подставляют эти места, да и попасть в подмышку не так просто.

– Буду знать. Тот, кто прислал этих тварей, крупно просчитался. Появись здесь маги вроде Ойи, мы бы сейчас не разговаривали.

Айш улыбнулся, покачал головой:

– Все не так просто, Леон. Они прислали тех, кого не жалко: кровососов. И согласия у тех, разумеется, не спрашивали.

– Мне казалось, что вампиры у вас вне закона. Те же церковники ни за что не станут их использовать.

– Верно. Но это удобный инструмент, а великие Дома любопытны, тайные темные исследования – не такое редкое дело. К тому же некроманты – все еще наши враги, могли сработать и они, или их агенты. По сути от магов не требовалось ничего, кроме внедрения программы в мозг Вайджа, все остальное в нужный момент должен был сделать порталный амулет. Так что могли сработать даже церковники. То есть их могли использовать на первом этапе.

– Неужели могущественную церковь так легко можно привлечь к такому темному делу?

– Влезть в разум Вайджа – не такое уж темное дело. Клирики такое допускают. Обо всех последствиях они могли и не знать, это уже дело хозяев амулета. Именно у них был доступ к кровососам. Голодной стае не надо приказывать убивать, без указаний все сделает. Технология порталов отработана лишь для нескольких частных случаев, и этот к ним вряд ли относится. К тому же существует мнение, что, чем ближе к северу, тем слабее магия, а мы забрались очень далеко. Честно говоря, мнение спорное, лично я считаю, что это не более чем предрассудок, сохранившийся с тех времен, когда юг покрывал пепел, а на севере зеленели леса. Но в это безо всяких доказательств верят почти все. Маги не любят умирать, они попросту не стали рисковать, решили, что кровососы справятся самостоятельно. К тому же ни для кого не секрет, что на крайнем юге адептам некоторых школ работаете легче, а Срединный хребет – непредсказуемое в плане магических аномалий место, здесь силу приходится использовать очень аккуратно. Видел работу Ойи ночью?

– А это можно было не заметить?

– Она кинетик, будто дубиной исполинской бьет. Да, руки и ноги при этом может оторвать, но чтобы едва пожар не возник... Не было такого раньше, это непредсказуемый эффект, сказывается то, что мы забрались в сердце Срединного хребта.

– А что случилось с этим? – я указал на изуродованное тело. – Где его вторая половина?

– Я же сказал, что технология порталов не универсальна и применима лишь в отдельных случаях. Здесь явно неотработанный метод. Возможно, часть стаи пропала по пути, а этому

вот повезло.

– Первый раз вижу, чтобы кому-то повезло настолько частично...

– Похоже на то, что он неудачно вышел. Наткнулся на кромку портала. Нет в мире оружия страшнее ее. Рассекает любой материал, игнорируя все известные виды защиты. Вот уже много веков этот эффект пытаются использовать в военном деле, но пока безуспешно. Так что в порталы надо заходить очень аккуратно... и выходить тоже.

– А где теперь вторая половина тела?

– Кто знает, вселенная не имеет границ, и все ее тайны нам постигнуть не дано.

– Я бы ни за что не полез туда, где с тобой может произойти такое, – указал на тело.

– Те, кто это устроили, тоже не захотели рисковать, потому и послали кровососов.

Сколько бы их ни сгинуло при перемещении – невелика потеря. Главное, чтобы хоть кто-то добрался до цели и выполнил приказ. И ты видишь, что это у них почти получилось. Мы потеряли семь человек, и погибли бы все, не будь у тебя этого камня.

– Слишком расслабились здесь, – буркнул Дамус. – Решили, что заперты здесь от всего мира. А тьма, она такая... всегда лазейку найдет.

– Ты прав, расслабились, – кивнул Айш. – Кайра, что с остальными?

– У Трайеры острая реакция на магию вампиров, но это не страшно. Несколько случаев кровопотери, пострадавшим необходимы покой и усиленное питание.

– Покоя у нас полным-полно, но вот насчет усиленного питания...

– Можно давать меньше еды тем, кто не пострадал.

– У них и без того почти ничего нет.

– И надо убрать все. И отмыть кровь вампиров. Ее засохшие частички токсичны, да и запах отвратительный, надо все хорошенько очистить.

* * *

В жизни все случается в первый раз, и сейчас как раз такой случай, ведь до этого мне никогда не доводилось таскать трупы дурно пахнущих монстров. Мертвого человека – да, было разок, но это совершенно другое дело. В тот раз обходились без повязок на лице, а сейчас пришлось, Кайра настояла. До этого на меня немало крови тварей вылилось, и безо всяких последствий, а теперь целительница боялась, что в мои легкие попадут несколько смехотворных частиц.

Впрочем, здоровье – последняя тема, на которую я буду спорить с Кайрой.

И я не атлет, чтобы заниматься этим в одиночку. Поэтому, пока остальные драили полы и забрызганные стены, мы с Ильконсом выволакивали тела на мороз, оставляя в снегу. Хотя на большинстве не хватало голов и некоторых конечностей, все равно тяжело, так что за мрачной работой я даже взмок. Тем более от напарника маловато толку: высокий, но очень тощий, руки будто спички. Скелет, обтянутый кожей.

Бросив очередной труп, Ильконс зачерпнул снег ладонью, протер им вспотевший лоб, сквозь зубы процедил:

– Всего было девять, а мы вытащили только четыре.

– Ну, почти половина работы.

– Ага. А потом еще ноги и руки собирать. И головы.

– Скажи спасибо, что их всего девять, могло быть гораздо больше.

- Их и было больше. Серьезная стая.
- Точно было больше?! И где остальные?!
- Не дошли.
- Это как? Из-за портала?

– Да, Айш сказал, что это был одноразовый портал. Слабо это и не очень надежно, особенно здесь. В одиночку пройти еще куда ни шло, но чтобы целая стая без потерь перенеслась... Нет, все добратся не смогли.

- А где же тогда остальные?

– Да где угодно: в аду, валяются дохлые в горах или вообще не переместились, остались там же. Все что угодно могло быть. Пошли за следующим.

Строители крепости в свое время постарались на славу, пытаюсь создать укрытие от холода, так что приходилось немало пройти, прежде чем доберешься до самых глубоких помещений. Спасибо Ильконсу, что не приходилось бродить вслепую или с неказистым факелом, ведь маг подвешивал над головой светящийся шарик, после чего тот послушно сопровождал нас на всем пути.

Здесь, похоже, все, кроме меня, такому фокусу обучены. Даже Кайра, которую я ранее считал «чистой целительницей», зажгла светлячок с легкостью, еще и вампира при этом удерживала невидимой силой.

А почему в то время, когда я плашмя лежал, светильник подзаряжал Местис? На это требуется энергия, которую целительнице следует беречь? Что я вообще знаю о здешней магии? А ничего – стражи не очень-то распространяются о деталях.

Ильконс резко остановился, светящийся шарик описал круг по очередному помещению, вернулся на место.

- Ты чего?
- Да ничего. Теперь мерещится всякое в темных углах.
- Я тебя прекрасно понимаю, самому мерещится.

Ну да, особенно если вспомнить, как из такого вот темного угла на меня прыгнул голодный кровосос.

Кстати, вот еще интересный вопрос:

– Слушай, Ильконс, а что бы они делали потом, после того как выпили бы из нас всю кровь?

- Кровь для них – главный деликатес. Потом бы взялись за мясо.
- А после мяса?
- Кости. Зубы у них любую разгрызут.
- А потом?
- Потом они бы сожрали все, что можно сожрать.
- Тут нечего есть.
- Талашай – тоже еда.
- Он был бы против.
- Он в спячке – легкая добыча.
- Ну хорошо, съедят все, что можно и нельзя. А дальше?

– Здесь есть где спрятаться. Кровососы могут впадать в спячку, как муунты. Многие твари на такое способны. Сто или двести лет будут укрываться где-нибудь в самых темных закоулках. Потом кто-нибудь придет, они почуют теплую кровь, проснутся, и все повторится.

- Интересный у них образ жизни...

– Ага, прям обхохочешься от непрекращающегося веселья. Знать бы еще, что за сволочь их прикормила...

– Ты о тех, кто послал стаю?

– А о ком же еще? Ни за что не поверю, что это церковники постарались. Они, конечно, сволочи те еще, но не настолько, чтобы якшаться с темными силами. А кровососы хоть и мелочь, но тоже к ним относятся. Не станет церковь таким руки марать... наверное.

– Какой-нибудь Дом? У вас и там врагов хватает.

– Ага. Может, и так. Но Дома, вообще-то, тоже с темными делами не связываются. Разве что совсем тайно, где-нибудь у очень серьезных Домов, которые с церковью если не свысока, то хотя бы на равных разговаривают. Такие боятся поменьше.

– Постой! Как ты тогда сказал?! Про муунтов?!

– О чем ты?

– А... неважно. Надо срочно поговорить с Айшем.

– Нам кровососов вытащить сперва надо, потом делай что хочешь.

– Забудь о них, надо срочно к Айшу.

* * *

Надо отдать должное: Айш слушал меня очень внимательно, а вот Ильконс не выдержал, под конец чуть не взорвался:

– Леон, да ты совсем спятил!

– Может, и так, но тем не менее я все еще нормальнее тебя. Ведь ты, похоже, мечтаешь остаться здесь навсегда, а это явный признак сумасшествия.

Айш поднял руку, смешно погрозил пальцем – знакомый по Земле жест, который я здесь никогда не видел:

– Не ссорьтесь, мальчики.

– Я и не ссорюсь, Ильконс просто сказал, не подумав. Муунты, я так понимаю, всеядны, они даже нас могут сожрать, если им дать волю.

– Верно, – кивнул Айш. – Это один из самых страшных хищников южных болот, очень нечасто их удается приручить. Талашай – фамильный муунт семьи Сиссарисов. Там редкий случай, когда вот уже три поколения магов появляются в одном роду. Но на Даатлькраасе линия пресеклась. Впрочем, я отвлекся. Муунты могут питаться даже разложившейся плотью, хотя падаль не любят. Не думаю, что Талашай откажется от мяса кровососов.

– Но их кровь – яд, – возразил Ильконс.

– Верно, для нас – яд. Но муунты не мы, они совсем не такие.

– Если ты и Леон ошибаетесь, мы потеряем Талашая.

– Иначе мы потеряем все, – вмешался я. – Всех наших запасов не хватит для того, чтобы Талашай смог дотянуть до побережья. Сами знаете, сил у него не прибавляется. А там надо не просто лететь, а лететь на высотах, где почти нет воздуха. Он при этом спасается своей магией, ею же защищает ездоков, но все это требует огромных затрат энергии. Во всех остатках наших припасов столько не наберется. Но у нас теперь есть девять тел, размеры их не уступают человеческим. Гора мяса. Этого точно хватит.

Ильконс покачал головой:

– Когда-то они были людьми, а теперь мы их скормим муунту.

– Они превратились в ЭТО из людей?! – скривился я.

– Не совсем так, – Айш покачал головой. – Их далекие предки были людьми. Катастрофа многое изменила, и человека в том числе. Говорят, что до нее кровососов вообще не было. Хотя точно это неизвестно.

– Им и сейчас можно стать, – добавил Ильконс.

– Верно. Но такие случаи единичны, и требуется сочетание сразу нескольких факторов. Для начала надо найти человека с предрасположенностью к вампиризму, а таких немного. Затем он должен получить от кровососов целый набор сосуществующих с ними паразитов и пройти от них же магическую инициацию. Это не такой уж быстрый процесс, к тому же затратный, так что даже самые слабые стаи очень неохотно заполучают новичков таким способом. Поэтому не надо смотреть на эти тела и думать о том, что они человеческие. Леон прав, мы благодаря случаю получили целую кучу мяса, у нас теперь есть шанс, глупо его не использовать.

Или у этих ребят какой-то пунктик насчет людоедства, или я чего-то не понимаю. Мы тут в шаге от смерти, еще немного, и с аппетитом начнем поглядывать друг на дружку. Мне то и дело начинает мерещиться, что мой желудок горько плачет, а такие зануды, как Ильконс, возмущаются, что я нашел отличное применение мясу кровососов. И ведь не сам его слопать размечтался, а зверю скормить, причем ради всеобщего блага.

Да и как его слопаешь, если оно ядовитое?..

Аппетит Талашая – тема отдельная. Его, по-моему, вообще невозможно накормить. Девять тел он, не напрягаясь, оприходует за пару дней, а может, и одного хватит. Сколько потребуется на переваривание? Думаю, с этим делом он тоже затягивать не станет.

Значит, мне скоро придется лететь.

Мне неоднократно доводилось летать на самой разной авиатехнике: самолетах, вертолетах, пару раз весело прокатился на мотodelьтаплане и не совсем весело, на убогом дирижабле, накачанном взрыво-опасным газом. И на спине невообразимого монстра тоже путешествовал, а сейчас занимаюсь этим второй раз. И никак понять не могу, каким образом не околел в первый. Тогда ведь на мне была лишь самая легкая одежда, такую принято носить в благодатных тропиках и уж никак не в холодных широтах или на запредельных высотах.

Смешно, но получается, что экватор в этом мире – самая суровая область. Ну, или одна из самых суровых. Не на всем, конечно, протяжении, но в основном это так. Все дело в высотной поясности: чем дальше от уровня моря, тем ниже температура. Какая бы жара ни стояла у подножия Гималаев, их вершины всегда утопают в снегах.

В таком полете все усугублялось тем, что я непрерывно пребывал во встречном потоке ледяного воздуха. Изогнувшаяся шея Талашая слегка от него прикрывала, но вот именно что слегка. Несмотря на то что сейчас на мне были обновки из заскорузлых столетних шкур, околел так, что зубы отбивали барабанную дробь.

А ведь в первый раз одет был куда легче. Плюс шатало от целой кучи болезней. И тем не менее добрался живым, и даже не могу вспомнить, чтобы так смертельно мерз. Должно быть, Талашай тогда из шкуры лез, чтобы обогреть меня своей магией или защитить как-то иначе, – сути его способностей я не знаю. А сейчас решил, что и так сойдет, и почти не снисходит до нужд наездников.

Очередное узкое ущелье, каких тут неисчислимое множество. Талашай, руководствуясь лишь одному ему понятными соображениями, начинает пикировать, вытянув шею в струну. Теперь ничто не прикрывает меня от встречного потока, и впечатления от этого самые негативные. Еще и держаться приходится за костяные выступы вдоль хребта. Несмотря на то что выросты на теле муунта образуют что-то вроде гнезда, сидеть в нем в такие моменты страшновато.

Впрочем, по дороге к стражам я, даже будучи без сознания, не выпал, так что и сейчас должен усидеть.

И кстати, зачем ему нужны эти выступы? Будь они чуть продуманнее, получилось бы что-то вроде кабины старинного аэроплана. Маги со способностью к биоинженерии добавили? Или в этих гнездах муунты катают своих птенцов? Без понятия.

Мучительное пикирование завершилось, муунт перешел в горизонтальный полет, вновь прикрыл меня изгибом шеи. Внизу тянулась лента ледника, и чуть дальше виднелось его окончание: россыпи камней, округлая чаша незамерзшего озера. Отлично, впервые увидел свободную ото льда воду, мы уже здорово снизились.

Должен отметить одну странность: не успели мы удалиться от форпоста исследователей севера, как резко изменилась погода. Аквамариновую синь чистейшего горного неба затянуло беспросветными тучами, время от времени с них щедро сыпался снег. Сейчас это начало превращаться в проблему из-за его влажности: начал налипать на одежду с пугающей скоростью. Того и гляди обледеем, как настоящие самолеты.

Холодно. Очень холодно. И, по-моему, я начинаю чувствовать едва уловимый запах моря. Да нет, вряд ли. Судя по температуре, еще слишком высоко. До него еще лететь и лететь.

Я ошибался. Это в нормальных горах сперва видишь слабо всхолмленную равнину, затем холмы становятся все выше и выше, появляются первые скалы, и так, постепенно, подбираешься к главным вершинам. Здесь же ничего подобного не было. Как будто кто-то щелкнул огромным переключателем ландшафтов: только что куда ни плюнь вздымались каменные пики, поверху украшенные снегом, и вдруг все изменяется в одно мгновение — и перед тобой расстилается безбрежная морская гладь.

Муунт занервничал, начал вести себя неуверенно, то увеличивая высоту, то резко снижаясь. Талашай не знал, каков конечный пункт нашего маршрута и ждал дальнейших указаний.

Хуже всего, что я тоже этого не знал.

Первая, самая очевидная мысль — добраться до северного берега моря. Даже при ослабленном муунте это возможно. Там Талашая можно как следует накормить и разжиться припасами, благо золота у меня более чем достаточно, можно стаю летающих обжор обеспечить.

Никогда, ни при каких условиях не стоит хвататься за первую подвернувшуюся мысль. Очень часто она не самая лучшая. Не так много времени прошло с тех пор, как меня усиленно разыскивали. И разыскивали успешно, под конец я был на волосок от поимки. Не стоит и надеяться, что все эти люди резко поглупели. Скупка припасов подразумевает неизбежные контакты с населением, и я могу подвернуться на глаза доносчику. Да что там говорить: трудно не заметить летающего человека. Даже в диких Чафанских джунглях хватает народа, риск разоблачения есть везде. А то, каким образом я ускользнул от погони, уже, возможно, вошло в местные легенды.

Меня ищут повстанцы, ищут военные власти, сектанты тоже рады припомнить мне кое-что. А теперь к этому списку прибавятся тайные агенты, чьей задачей является сохранение тайны юга. Как ни оправдывайся, а после всего случившегося они будут уверены, что я прибыл именно оттуда.

Имея за спиной оставленную в горах группу бедствующих стражей, я не могу так рисковать. Они от меня зависят, да и что там говорить — я тоже завишу от них. На севере успел набедокурить так, что меня многие рады подвесить над землей, а с такими союзниками, глядишь, и что-нибудь наладится. Ну, в самом-то деле, не бросать же все и не драпать с помощью верного Талашая на далекий юг, где я никто и никого не знаю, а фамильный муунт — штука заметная, и есть те, кто усиленно разыскивают его хозяина.

И цели у них нехорошие.

Так что первую идею я забраковал почти мгновенно и, после некоторых раздумий, пришел к выводу: нам надо подыскать укромное местечко, где мы устроим временную базу. Та, где стражи засели сейчас, категорически не устраивает. И дело уже даже не в том, что там нет припасов, а в отбитом нападении. Не исключено, что при этом враг мог каким-то образом узнать наше точное расположение, и пусть добраться туда нелегко, но возможно. Не исключено, что прямо сейчас собирается военная экспедиция на север, и на этот раз все будет куда серьезнее.

Где можно устроить новую базу? Стражи понятия не имели, а я тем более. Ну не было у меня глубоких географических познаний, я ведь здесь пробыл всего ничего, да и область моих интересов располагалась севернее, куда бездумно соваться нежелательно.

Так что прости, Ташалай, но поведать тебе о нашей конечной остановке не могу. Будем искать варианты.

Где искать? Где-где... Да прямо здесь. Пролетим вдоль берега, не везде же волны бьют в отвесную скалу, должно что-то подвернуться. Нам много места не надо, хоть что-нибудь.

* * *

Сняв с плеча винтовку, я передернул затвор, прижал приклад к плечу.

— Что ты собрался делать? — поинтересовался Ильконс — мой единственный спутник.

Я указал в сторону моря. Там, у кромки прибоя, сновали упитанные чайки.

— Муунту надо много еды.

— Твое оружие очень шумное. Убьешь одну, остальные сразу разлетятся. Талашаю такая птица на один зуб.

— Лучше, чем ничего.

— Подожди.

Ильконс вытянул руку раскрытой ладонью вперед, над одной из чаек заколыхалось едва заметное марево, сверкнула искра электрического разряда, прошедшего через тело в мокрую гальку, до ушей донесся треск неслабого короткого замыкания. Жертва свалилась замертво, пикнуть не успев. Ближайшие птицы насторожились, но понадобилось еще четыре миниатюрные молнии, прежде чем до остальных дошел простой факт: их убивают.

Проводив их взглядом, я констатировал:

— Все равно улетели.

— Да, но вместо одной нам досталось пять. Выгода.

— Ага, выгода несомненна, но Талашаю этого то-же мало.

— Знаю, Даатлькраас по несколько раз в день проклинал его за неумную прожорливость. Леон, это хорошее место, просторное.

С сомнением обернувшись, я поднял взгляд к затянутым тучами небесам, откуда через каждые несколько минут обрушивался кратковременный дождь, пожал плечами:

— Ничем не лучше других. Скала, под ней завал из валунов, пляжа, считай, нет.

— Как нет? А мы на чем стоим? Это пляж из гальки. Крупной гальки.

— Не хочу тебя разочаровывать, но это всего лишь полоса отлива. Вода скоро поднимется и все затопит. Приливы тут, конечно, не такие, как в океане, но все равно волны будут плескаться как раз возле вон тех валунов. Сам посмотри, на их поверхности приросли раковины, а они не могут долго на суше оставаться.

— Да, ты прав. Места остается мало, но и нас не так много. Разместимся, не страшно. Но Талашай не сможет перевезти всех. Ему надо очень много еды. И нам она тоже нужна. Здесь ее не найти.

Я указал на море:

— В воде ее полно. Тут много дельфинов, есть акулы и другие крупные рыбы. Даже киты часто заплывают из океана. Но я понятия не имею, как их можно добыть. Ты сможешь сделать с ними то же, что и с чайками?

Ильконс покачал головой:

— Вряд ли. Мне надо видеть цель, но здесь я ничего не вижу. И водная среда — не мое.

— Глубины тут хорошие, мелочи рыбной много, надо подождать, должны подойти. Я плавал по этому морю, дельфины нас преследовали почти все время.

— Хорошо, подождем. Гляди! Чайки возвращаются!

– Не спеши, дай время, убьешь одну, остальные не сядут. Сам же учил.

– Да жду я, жду.

– А в воздухе не можешь их доставать?

– Нет, Леон, так не могу. Мне нужна земля под целью, молния сама находит к ней дорогу. Не уверен, что убью чайку, если она просто-напросто усядется на толстую сухую доску. Точнее, убить смогу, но потребуются лишние затраты энергии. Сильные маги могут управлять электричеством так, как мне и не снилось, но такие секреты Дома чужим не выдают, вот и я не знаю.

– Ты из тех, кто ребенком попал к стражам?

– У нас почти все маги были взяты детьми, одаренные вроде Даатлькрааса – большая редкость.

– Так он не был ребенком, когда к вам попал?

– Он маг в третьем поколении. Его дед был великим магом, отец магом, Даатлькраас не был особо силен, но все равно одарен. Такая семья – великая редкость. Даже два поколения нечасто встретишь, а уж целых три... Ты говорил, что он не страдал?

– Да, он умер мгновенно.

– Это хорошо. Мы все любили этого чудака. Он пришел к нам взрослым, по убеждению. И мы не смогли его принять.

– А мне он говорил, что был стражем. Да и с вами сюда ушел.

– Не совсем так. Если бы мы его приняли, пришлось бы враждовать с его Домом. Очень сильным Домом, а у нас и без них врагов хватало. Он ведь даже не просто маг, а маг в третьем поколении. Это такая редкость, что ни один Дом от подобного не откажется просто так. Хотя бы изучать на нем преемственность магического дара – вопрос совершенно неизученный. Мы не могли им предложить равноценный обмен, а принятие взрослого мага – это нарушение всех правил.

– Но в итоге он все равно попал к вам.

– Даатлькраас помог нам спастись. После такого разве можно было ему отказать? Но он не прошел через посвящение в Великом Зале. Поэтому с самого начала называл себя отрекшимся стражем канона. Такие у нас были во времена одного из расколов. Очень давно, когда еще было чему раскалываться, хватало сил. Отрекшиеся позже воссоединились с теми, кто остался, но все равно какое-то время существовали отдельно. Если бы не Даатлькраас, мы бы ни за что не добрались до форпоста.

– Точнее, если бы не его Талашай.

– Они были неразделимы. Я до сих пор удивляюсь тому, что его муунт тебя признал. Леон, ты что делаешь?

– Раздеваюсь. Я грязный, как шелудивая собака, уже не помню, когда мылся последний раз. А тут целое море воды.

– Слишком холодно.

– А ты ее потрогай, она теплая. С гор лавиной спускается ледяной воздух, оттого и воздух прохладный, но море ему не остудить, здесь же экватор в двух шагах.

– Да тут можно не забредать в море, дождь сам тебя быстро вымоет. Он уже достал...

– Радуйся, с погодой нам еще повезло.

– Почему?

– Жаркий экватор, море и близкий океан, откуда испаряются огромные массы воды, и холодные горы, которые стеной поднимаются на пути туч. Дожди здесь, бывает, льют

по несколько дней без малейшего перерыва. И туманы постоянные. Солнечный свет можно дожидаться месяцами, и не дожدهшься. Оглянись вокруг: дождь иногда прекращается, а тумана вообще нет. Чудная погодка, самое время искупаться.

* * *

Если откровенно, вода оказалась не такой уж и теплой. Должно быть, про мизерные возможности ледяного воздуха, что спускается с гор, я слегка погорячился. Слишком уж резкая граница между ними и морем, доводилось слышать разговоры, что здесь иногда чуть ли не айсберги можно встретить – обломки ледников, падающих в волны с высоченных уступов. Мне такие истории казались неправдоподобными, но это до тех пор, пока сам здесь не оказался.

Да тут можно поверить во все что угодно.

В форпосте с гигиеной все было просто: есть снег на улице, можешь им обтираться, пока не околеешь. Женщины иногда позволяли себе немного растопленного льда, а мужчинам приходилось о таком только мечтать. Слишком мало дров, чтобы тратить их на разогрев воды. Да и посуды кот наплакал, и большей частью неподходящая. Видно, что народ убегал в большой спешке, времени на серьезную подготовку к такому непростому походу не оставалось.

В общем, сейчас не тот случай, чтобы слезно жаловаться на морскую прохладу. Гораздо хуже, что песка нет – все же простейший заменитель мыла. Галечные пляжи я видел самые разные, и этот был один из самых худших. Это и галькой-то можно назвать лишь в отдельных местах, в основном валуны самых разных размеров. Те, что с лошадиную голову, – еще не самые большие.

Кое-как оттерев мелкими камешками почти все, куда смог дотянуться, поплыл прочь от берега. Маски у меня не было, но вода здесь такая прозрачная, что и без нее дно можно рассматривать за несколько метров, пусть и смутно. Но долго им любоваться не пришлось: несколько взмахов рук, и оно мгновенно пропало из виду. Похоже, под водой здесь проходит приличный уступ, и его низ так далеко, что его не разглядеть.

Набрал в грудь воздуха, нырнул, заворачивая под водой назад. А вот и кромка того самого уступа. Монолитная скала, покрытая пятнами скудных нитчатых водорослей. А это что такое? И еще, и еще. На камнях пристроилась колония чернобоких мидий. Не любитель морепродуктов, но скудная диета последних дней сказала: рот моментально наполнился слюной, вспомнились устрицы с лимонным соком. Ракушки крепко сидят, но против оголодавшего вора двух миров они ничто, все равно моими будут.

А это у нас кто такой? Конкурент – здоровенный краб с толстенными угрожающего вида клешнями. Устроился среди черных раковин, копается в содержимом одной, чей панцирь уже успел сокрушить. Оценив его габариты и пугающий вид, я решил, что не стоит терять пальцы ради удовольствия попробовать на вкус местных ракообразных. Так что пришлось отплыть в сторонку. Краб же меня презирал настолько, что не только не сдвинулся с места, но даже не посмотрел.

Ничего, деликатес членистоногий, я до тебя еще доберусь.

– Ильконс, ты ничего не имеешь против моллюсков?

– Я, Леон, не то чтобы не против... Я почему-то все больше и больше думаю о тех кровососах. Может, они не настолько ядовитые, или их можно как-нибудь приготовить, чтобы не отравиться. Извини, что поначалу был против твоей идеи, они точно не люди, значит, можно считать, что ничем не отличаются от, допустим, барашка.

– Забудь уже о них, каннибал, Талашай даже костей тебе не оставил.

– Вообще-то, это была шутка.

– Я тоже не всерьез.

– Моллюски – это здорово. Их там много?

– Много, но вряд ли получится накормить эту бездонную утробу, – я кивнул в сторону Талашая.

Муунт и не думал сворачиваться в клубок глубокой спячки. Пристроившись на валуне, он периодически расправлял крылья, подставляя их прохладному ветерку, но большую часть времени вообще не шевелился, если не считать ритмичных поворотов головы. Следил за нами в оба, стараясь не упустить момент убийства очередной чайки. Сам же даже не предпринимал попыток охотиться за ними. Видимо, считал, что преследование такой мелочи для ужасного монстра далеких южных болот – слишком унижительное занятие.

– Чаек здесь много, – заметил Ильконс.

– Они не такие уж тупые, быстро поймут, что этот берег не слишком полезен для здоровья.

– Талашай хорошо наелся теми кровососами, чайки его немного подкрепят, он легко осилит дорогу к форпосту и назад.

– Ты о чем?

– Я видел дельфинов, но они слишком далеко от берега. Можно попробовать, конечно, убить и там, но как их потом сюда тащить?

– Может, Талашай сумеет?

– А если туши будут тонуть? А если появятся акулы? Есть способ проще и надежнее.

– Какой?

– Привези сюда Литтейгису. С ней все получится легко.

– Почему?

– Она попросит дельфинов подходить ближе.

– И они ее послушаются?

– Она умеет просить так, что ее слушаются.

– Может, она попросит Талашая слушаться ее, а не меня? Очень уж холодно летать туда-сюда, пока всех не перевезу.

– Извини, Леон, я выразился не совсем точно: ее слушаются почти все. Муунт слушаться не будет. Точнее, в чем-то будет, но не до такой степени. Она, допустим, скорее всего, сможет заставить его перевернуться в воздухе, чтобы сбросить седока. И то не уверен, у муунтов слишком высокое сопротивление, может не справиться.

– Кстати, Талашай, похоже, не первый муунт здесь.

– О чем ты говоришь?

– Ходят слухи о летающих людях. Я даже встречал очевидца, который был на корабле,

над которым пролетел всадник на ком-то вроде муунта. И я этому человеку верю.

– Муунты – большая редкость. Есть другие летающие животные, их гораздо проще приручать, а некоторые даже разводятся в неволе, пусть и плохо. Но муунт лучший: самый выносливый, сильный, защищенный, неприхотливый, предан хозяину абсолютно. У нас поначалу были другие, но все они остались далеко в горах, не выдержали. Только Талашай осилил весь путь, без него мы бы ни за что не дошли до форпоста.

– Ну, может, это был и не муунт. К сожалению, не догадался попросить описать животное до мелочей, а теперь и не попросишь, тот человек уже мертв. Убил его тот же генерал, который убил Дата. Точнее, отдал приказ.

– Тот еще мерзавец...

– Да нет, просто тут к смерти относятся легкомысленно. Считают ее лучшим инструментом. Грул не хуже и не лучше других.

– У нас тоже некоторые так считают...

– Ну да, иначе вас бы здесь не было.

– Твоя правда. Никогда не слышал, чтобы кто-то перелетел через горы. Мы первые. Хотя все я знать не могу, да и не интересовался таким.

– Это было не в горах. Там, на западе, есть проход, куда течение уносит воды океана. Очень тяжелое место для кораблей, они его избегают. Много рифов, сплошные отвесные скалы по берегам без единой бухты, непредсказуемые ветра и почти все время держится густой туман. Вот там и видели летающего человека.

– Я понял, о чем ты говоришь. Этот океан там не заканчивается, он идет дальше на самый юг, до полярных гор, что остались на месте вершины мира. Воды, разгоняемые по кругу шустрой Ярри, там замедляют свой бег, разбегаются ручейками по мелким морям и глубоким фиордам, чтобы потом, пройдя через их сито, остудиться и вновь воссоединиться. И на другой стороне их поток движется уже назад к экватору. Там есть второй проход, по нему они уходят куда-то на север.

– Что-то такое северяне мне рассказывали. Они тоже это предполагают.

– Они не знают, как выглядит этот мир?

– Откуда им знать?

– Но мы же знаем.

– Вы маги, а у них магов нет.

– Не представляю, как они без них живут.

– Нормально живут.

– Да? Вот не будь у нас магов, как бы ты сейчас добывал чайк?

– Стрелял.

– А кончатся заряды к твоему оружию, и что дальше? Как добыть дельфина?

– Понимаешь, Ильконс: мне не нужны ни чайки, ни дельфины. Они нужны Талашаю, а он магическое создание. То есть не будь магии, не было бы и его, а себя бы я здесь спокойно прокормил. Тех же мидий можно без труда набрать на десяток человек, плюс мелкая рыба в лужах после отлива, плюс те же крабы. Не пропал бы, не сомневайся. Я не пропаду, и другие тоже не пропадут, и заметь – это безо всякой магии.

– Я тебя понял. Но все равно не могу представить жизнеспособное общество, где обходятся безо всякой магии. Вы ведь даже не знаете, как выглядит наш мир. У вас нет памяти. Смешно.

– Без этого можно спокойно прожить.

– Можно. Но это глупая жизнь.

– Скоро ты сам увидишь, как здесь все устроено. Убедишься, что еще как жизнеспособно.

– Ты думаешь, что нам стоит прийти к северным людям?

– Другого выхода нет. Или ты мечтаешь прожить здесь остаток дней, питаясь мидиями и наваристым супом из дохлых медуз?

– Ты забыл упомянуть дождь. Мне он очень не нравится. Тут даже на камнях плесень растет и ни одной сухой деревяшки не найти.

– Хорошо: мидии, медузы и дождь. Тебе это сильно нравится, или ты готов сменить обстановку? Тогда придется находить общий язык с местными.

– Эти люди убили Даатлькрааса.

– Не обобщай. Большая часть северян понятия не имеет, кто такой Даатлькраас и ему подобные. О вашем существовании знают единицы, и еще меньше тех, кто посвящен в мелкие детали. А все не знает никто. Положение ваше не из тех, чтобы носом вертеть. Понадобится, будете вприпрыжку искать общий язык даже с этими посвященными. Вы здесь в такой печальной ситуации, что, покажись сейчас корабль, нам придется прятаться. Стоит тем, кто этим занимается, пронюхать о том, что на этом берегу высадились южане, они здесь камня на камне не оставят. Уж поверь, и безо всякой магии средств у них более чем достаточно.

– И часто здесь появляются корабли? – насторожился Ильконс.

– Что? А... ты об этом. Не волнуйся, эти воды слишком опасны для судоходства. К тому же берег бесплоден, тут ни деревень, ни портов, морякам нет смысла сюда заглядывать. Разве что случайно кого-нибудь занесет, но риск на таких нарваться невелик.

– Так ты привезешь Литтейгису?

– Сюда придется перевезти всех, так что не имею ничего против того, чтобы она была первой. К тому же женщина весит немного, можно взять еще кого-нибудь.

– Учти, что Литтейгиса весит много. Она у нас совсем не крошка.

– Я помню. Можно взять ее и Кайру, та как раз крошка.

– Кайра нужнее там, возле больных.

– Да, ты прав.

– Она тебе нравится?

– А разве она может кому-то не нравиться?

– Ну... не в моем вкусе. Я, вообще-то, пухленьких люблю, и чтобы обязательно глупые, хорошо, если с губками бантиком, улыбались почаще.

– Да уж, со вкусом тебе крупно повезло.

– Почему?

– Скоро ты окажешься там, где пухлые чуть ли не все.

– Шутишь?!

– Да какие шутки, я поначалу чуть волком не был, глядя на это мясное изобилие. Ничего стоящего. С моей точки зрения, ничего стоящего.

– Тогда, получается, на севере не так уж и плохо. А глупышек там много?

– Да через одну, если не чаще. И губки бантиком.

– Рай!..

[Купить полную версию книги](#)